

Леонид МЛЕЧИН

МОССАД - ТАЙНАЯ ВОЙНА

На подмостках истории

Леонид Млечин

Моссад. Тайная война

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2019

УДК 329.733
ББК 66.2(4/8)

Млечин Л. М.

Моссад. Тайная война / Л. М. Млечин — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019 — (На подмостках истории)

ISBN 978-5-6042365-7-4

Израильская разведка Моссад – самая знаменитая и самая таинственная в мире. Ее операции окружены множеством легенд и мифов. Книга известного писателя и телеведущего Леонида Млечина помогает проникнуть в главные секреты Моссад: так ли она успешна, как принято считать? Или же и у Моссад случались непоправимые ошибки и громкие провалы?

УДК 329.733
ББК 66.2(4/8)

ISBN 978-5-6042365-7-4

© Млечин Л. М., 2019
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Леонид Млечин

Леонид Млечин. Моссад. Тайная война

От автора

Есть войны, которые никогда не заканчиваются. Только обычно мы и не подозреваем, что боевые действия идут, что противники атакуют друг друга, прорываются через линию фронта, отступают, подсчитывают потери и зализывают раны.

Это тайная война. Это война, которую ведут секретные службы. Они отправляют своих людей на территорию врага, вербуют там агентов, крадут секретные документы, новейшие технологии и военные тайны. Секретные службы мечтают о том, чтобы об их существовании вовсе забыли. Они скрывают даже свои победы. Но иногда покров тайны спадает, и мы видим поле боя, затянутое пороховым дымом.

В этой книге речь идет о самой знаменитой и самой таинственной разведке в мире – об израильской разведке Моссад.

Ее деятельность окружена множеством легенд и мифов. Ей приписывают победы, которые она никогда не одерживала, и упрекают за поражения, которых она не знала.

В сравнении с КГБ или ЦРУ это очень маленькая организация. Моссад не может себе позволить глобальный шпионаж. Но история Моссад невероятно поучительна. Израильская разведка всю свою историю сражается, фактически, с тем же противником, которому в Чечне противостояли российская армия и российские спецслужбы.

Архивы Моссад как действующей разведки закрыты, поэтому написать полную историю израильской разведки пока невозможно. Но кое-что выплыло наружу, о чем-то несложно догадаться.

Эта книга – документальная, за исключением тех эпизодов, которые автор вынужден был домыслить подобно тому, как ученые восстанавливают скелет исчезнувшего животного по одной, случайно сохранившейся кости.

Читателю не составит труда отличить описание реальных разведывательных операций от попыток автора реконструировать недавнюю историю.

В истории человечества Палестина – узкая полоска земли, где разворачивается действие этой книги, сыграла колоссальную роль, которую нельзя объяснить экономическими или политическими причинами. Святая земля никогда не была мощной военной державой. Она не была такой богатой, как ее соседи.

Она была глубокой провинцией. Но ни одна другая территория столь малого размера не оказала такого глубокого влияния на историю человечества.

Часть первая

КГБ и Моссад совершают ошибки

Глава первая

Неудавшаяся встреча с резидентом КГБ

Дежурный комендант, который сидел у входа в советское посольство, отвечал на звонки и разговаривал с посетителями. Это самая низкая ступенька дипломатической карьеры.

Впрочем, официально дежурный комендант – еще не дипломатическое звание, и паспорту него не зеленый, дипломатический, а синий, служебный. На эту должность назначали недавних выпускников МГИМО.

Если два года на этом посту проходили успешно, то, возвращаясь в Москву, он получал первый дипломатический ранг – атташе. И в следующий раз ехал в посольство полноправным дипломатом с зеленым паспортом, дающим право на неприкосновенность и другие привилегии, в том числе материальные.

Дежурный комендант советского посольства в Непале Петя Скворцов был весел, бдителен и находчив. Посетителей в посольство приходило не много, и Скворцов сразу обратил внимание на очевидно не местного молодого человека, странно одетого и с сумкой в руках. Посетитель уткнулся в деревянную стойку и заговорил на плохом английском. Он желал встретиться с советским послом.

– Посол занят, – автоматически ответил Скворцов. – А кто вы? И зачем хотите увидеть посла?

– Я из Израиля, – ответил молодой человек.

Скворцов инстинктивно отодвинулся и посуровел:

– Что вам здесь нужно?

– Я могу сообщить вашему послу очень важную информацию.

Полагая, что ему не верят, израильтянин протянул свой паспорт. Скворцов взял его с опаской, как ядовитую змею, перелистал, привычно сличил фотографию с оригиналом. Израильтянина звали Мордехай Вануну. «Ну и имечко», – подумал Скворцов.

Он знал, что с людьми из Израиля в посольстве разговаривать не станут. От подозрительного еврея следовало отделаться как можно скорее.

– Может быть, вы ошиблись и пришли не туда? – неприязненно спросил Скворцов.

Израильтянин заговорил очень быстро, понимая, что ему надо как-то доказать свою полезность:

– Я располагаю важными сведениями военного характера, ваши люди ими очень заинтересуются.

Скворцов действовал по инструкции. Он предложил незваному гостю присесть на стул, а сам вышел в соседнюю комнату и позвонил тому, кому и должен был докладывать в таких случаях, Виктору Платонову, второму секретарю посольства. Платонов был сотрудником резидентуры внешней разведки. Об этом дежурному коменданту знать не следовало, хотя ему это было известно, как и всему посольству.

– В приемной человек из Израиля, просит встречи с послом, – доложил Скворцов.

– Откуда? – изумился Платонов, который только что пообедал в хорошем китайском ресторане и пребывал в самом добром расположении духа.

– Из Израиля.

– Сумасшедший? Или провокация? У него бомбы в руках нет? – Платонов уже перестроился на деловой лад.

– Сумка какая-то, – неуверенно сказал Скворцов.

– Иди на место, – приказал Платонов. – И фиксируй каждое его движение.

– Так что с ним делать-то? – переспросил Скворцов.

– Гони в шею, – добродушно хохотнул Платонов. – Только евреев нам тут и не хватало. Скворцов вернулся за свою стойку с телефонами и подозрительно посмотрел на посетителя. Тот тихо сидел на стуле, сумка лежала рядом на полу.

– Сейчас все заняты, и никто вас принять не может, – сказал Скворцов.

Молодой человек, подхватив сумку, подошел к нему.

– Но у меня действительно очень важная информация! – в отчаянии произнес он.

Скворцов равнодушно пожал плечами. Гость попросил ручку и старательно букву за буквой написал свое имя и что-то еще.

Он протянул листок Скворцову и ушел.

Дежурный комендант хотел было сразу выбросить бумажку, но чувство долга взяло верх. Он подколол листок к пачке других бумаг и вспомнил о нем только поздно вечером, когда его дежурство уже заканчивалось.

В этот поздний час в советском посольстве в Непале бодрствовали только скучающий дежурный комендант и brave пограничники из охраны.

И у себя в закрытом для непосвященных помещении без окон засиделся, ожидая срочной телеграммы из Москвы, Тимофей Николаевич Удальцов. Когда в Катманду уже ложились спать, в Москве был разгар рабочего дня, и срочные шифровки раньше просто не приходили.

В официальном списке дипломатического состава Удальцов значился советником посольства, в действительности же был резидентом политической разведки.

Удальцов начинал службу в КГБ на Украине. Тогда в республиканском Комитете госбезопасности образовали Первое, то есть разведывательное, управление – для борьбы с зарубежными центрами украинских националистов.

Он был совсем молодым, но подающим надежды чекистом, и ему предложили поехать учиться в 101-ю школу КГБ в Москву.

Там для будущих разведчиков, уже получивших высшее образование, имелось два курса: одногодичный – для тех, кто уже прилично знал иностранный язык, и двухгодичный – язык приходилось учить с нуля. Удальцов учился два года, зато и овладел сразу двумя языками.

Назад в Киев он уже не вернулся, хотя заявка на него из республиканского комитета пришла в Управление кадров союзного КГБ. Его оставили в Москве, взяли на работу в Первое главное управление КГБ СССР, в африканский отдел.

Планировалась его командировка в резидентуру в Кению.

Он оформился в Министерство иностранных дел и каждый день к девяти приходил в высотное здание на Смоленской площади, то есть стал осваивать работу по прикрытию.

Первое же поручение, которое ему дали в министерстве, изменило все планы. Он должен был встретить делегацию министров из Уганды, чуть ли не первую в истории отношений с этой страной, только что добившейся независимости.

Удальцов работал с делегацией переводчиком, возил по московским министерствам, водил в театры. Угандийским министрам понравился молодой человек, и они попросили прислать его на работу в Кампалу, что и произошло.

Обычно в Москве настороженно относятся к просьбам иностранцев прислать им того или иного работника: чем это он им угодил? Не продал ли родину? Но тут был совершенно иной случай: освободившаяся от колониального ига страна была естественным союзником, козней от нее не ждали.

Удальцов проработал в Уганде пять лет офицером по линии КР – внешняя контрразведка. Это не лучшее место в резидентуре.

Офицер внешней контрразведки обеспечивает безопасность товарищей-разведчиков: он должен вербовать агентуру в специальных службах страны пребывания, чтобы знать, не затевается ли что-нибудь против его коллег.

Это в теории. На практике офицер внешней контрразведки больше следит за своими коллегами: не проявляется ли в их поведении нечто подозрительное? Частые выпивки, неосторожное слово, дорогие покупки, флирт с женой товарища, незапланированная поездка в город, позднее возвращение домой – все это офицер внешней контрразведки фиксирует и обо всем докладывает начальству. Поэтому контрразведчиков в резидентуре обычно терпеть не могут.

Но Тимофей Удальцов по природе был очень приличным человеком, не склонным капать на товарищей. Во всяком случае, ему не было необходимости таким образом выслуживаться перед начальством. Он сообщал начальству о чрезвычайных происшествиях с сотрудниками посольства, но, в принципе, постоянно присматривать за своими товарищами и думать, а не продались ли они, считал невозможным.

Первый период независимости Уганды – это были лучшие годы в жизни страны. Еще все было спокойно, мирно, никого не убивали и к белому человеку относились вполне прилично. На всю жизнь Удальцов запомнил, как в магазинах лежали свежайшие пирожные – каждое в бумажке с датой выпуска. Их доставляли самолетом из Англии.

Из Советского Союза угандийцы получали много оружия, в том числе, современные самолеты. Англичане считали, что черные африканцы летать не могут. Но угандийские летчики первыми в Африке освоили реактивные «МиГи».

Уганда в момент получения независимости находилась на пороге экономического подъема, по уровню жизни она опережала некоторые азиатские страны. Но правители довели эту благополучную страну до катастрофы и поломали собственную жизнь.

Глава независимой Уганды убрал министра обороны, симпатизировавшего американцам, и заменил его угодливым Иди Амином, у которого было четыре класса образования. Президента предупреждали, что одержимый властью Амин собирается его свергнуть. Милтон Оботе не поверил, и напрасно. Переворот произошел, когда глава государства отправился с визитом в Сингапур.

Страну – и надолго – возглавил Иди Амин.

Но Тимофей Удальцов этого уже не застал. Его перевели в Индию с серьезным повышением и уже там перебросили с контрразведывательного направления на политическую разведку, которой ведало самое важное и уважаемое подразделение в резидентуре.

Удальцов быстро рос. Его планировали назначить резидентом в Индонезию, но срочно понадобилось место для снятого с должности большого начальника, которому и досталась Индонезия, а Удальцову предложили должность резидента в маленьком Непале. Непал считался незавидным местом, но Удальцов отказываться не стал: жаждал самостоятельной работы.

Советская резидентура в Непале была совсем небольшой: прямо скажем, от непальской политики мало что зависело в мире. Резидент в маленькой стране может давать высшего класса информацию – по профессиональным критериям, но кого интересуют непальские секреты? А резидент из Франции или Германии шлет в Москву очень мало секретной информации, но она вся докладывается высшему руководству, потому что в этих странах происходят самые важные события.

Когда летом в отпуск в Москву возвращается резидент из Соединенных Штатов или Китая, начальник разведки обязательно с ними разговаривает, и подолгу, потому что его самого спрашивают наверху о событиях в этих странах. А резидент в маленькой стране, приезжая в Москву, мало к кому может пробиться на прием, ему трудно обратить на себя внимание.

В подобных случаях добиться успеха можно только в работе «против главного противника». То есть – вербуя американцев и других граждан западного мира, которых несчастливая судьба занесла в такую глушь.

Тем-то и удобен был для вербовочной работы забытый богом Непал, что сотрудник местной резидентуры ЦРУ никак не мог быть доволен своей жизнью. Попадали сюда либо совсем молодые американцы, кому еще надо было себя проявлять, либо оттертые на второй план, разочарованные и ни во что не верящие. И с теми, и с другими можно и нужно работать.

Удальцов заинтересовался новым первым секретарем американского посольства Уолтером Дженкинсом. Тот прежде работал в Токио, успешно делал карьеру в ЦРУ, но у него завязался длительный роман с японкой. Ничего предосудительного, но начальству в Вашингтоне это не понравилось, и его с понижением отправили в Непал.

У Дженкинса было трое детей. Двое старших учились в колледже, младший оканчивал школу в следующем году. Трое детей – большая нагрузка на семейный бюджет государственного служащего, не имеющего иных доходов, кроме зарплаты. Вот оно – слабое место в обороне американца, прикидывал Удальцов.

По каким соображениям сотрудник ЦРУ или американской военной разведки соглашался работать на советскую разведку?

Не из страха перед разоблачением. Если даже сфотографировать его пьяным или в постели с проституткой, это его не испугает. Он сообщит своему начальству о попытке его завербовать, ему сделают выговор за неосторожность, но со службы не выгонят: попался же Дженкинс в Токио, но из ЦРУ его не выставили. А вот если его поймают на профессиональном проколе, на неумелых действиях, тогда дела плохи. Стоит только американцу пойти к начальству и доложить, что русские пытаются его завербовать, потому что он допустил очевидный промах, его немедленно возвратят домой, и больше командировок у него не будет. А если и будут, то не скоро.

Не только советские люди связывали с командировкой за рубеж определенные материальные надежды. Американцы таким же образом зарабатывают на образование детей, на покупку дома. Стать невыездным в американских условиях – значит лишиться больших денег.

Так стоит ли попытаться подобраться к Дженкинсу? Тут все зависит от характера человека, размышлял Удальцов. Если он любитель спокойной жизни, то, скорее всего, выберет самый безопасный вариант: доложит начальству о вербовочном подходе советских разведчиков и станет собирать чемоданы. Если же он сильно нуждается в деньгах, способен рискнуть и уже не рассчитывает на большую карьеру, то может и согласиться.

С помощью слуги-непальца в доме Дженкинса установили подслушивающую аппаратуру. Целыми днями, сменяясь, сотрудники резидентуры переводили магнитофонные записи на русский, тщательно выискивая в разговорах американца неосторожные слова – о недовольстве работой, начальством, семейными отношениями, жизнью вообще или, напротив, что ему хотелось бы что-то иметь, а денег нет.

Удальцов сам читал все переводы, подчеркивая заинтересовавшие его места, и все больше утверждался в мысли, что вербовка может получиться. Свои выводы он шифро-телеграммой отправлял в Центр. Американцев вербуют далеко не каждый день, и в Москве внимательно следили за этой операцией.

Обычно, если Центр дает добро на вербовку, в страну на несколько дней приезжает специальный вербовщик.

Это не признак недоверия к местным работникам, а обычная предосторожность. Если американец поднимет скандал, обратится в полицию, возникнут осложнения, то вербовщик просто уедет, а местная резидентура не пострадает.

В редких случаях, если резидент дает гарантии, что скандала не будет, решающий разговор позволяют провести самому сотруднику резидентуры. Удальцов настаивал на том, что эту вербовку он берет на себя.

Но кто же пойдет на первую встречу?

Вербовочный подход – это настоящее искусство, ему специально обучают. Самый толковый в резидентуре, думал Удальцов, это его заместитель по политической разведке. Но тот уже подрастерял навык работы с агентурой. Когда человека переводят на линию ПР – политическая разведка, то главным становится способность к анализу, умение прогнозировать, осмысливать информацию. Уже никого не интересует, как ты проводишь встречу с агентом.

Удальцов выбрал на роль вербовщика другого, молодого еще человека и вечерами работал с ним, готовил к этой роли.

Он не жалел времени на своих сотрудников.

Все офицеры в резидентуре составляли план на неделю и обсуждали его с резидентом. Они докладывали, что будут делать в каждый из семи дней, с кем и с какой целью встретятся, загодя разрабатывали примерный план беседы и утверждали его у резидента.

Если разведчик работает под журналистским прикрытием, ему проще: журналист берет интервью у кого хочет, это никого не удивляет. Дипломату сложнее: любую встречу надо надежно обосновать.

Сами по себе встречи с агентом, конечно же, занимают мало времени, потому что агентов мало. Главная задача сотрудника резидентуры – постоянная разработка интересующей разведку среды. Он должен искать людей, которые могут оказаться полезными, встречаться с ними, стараться их разговорить, прошупать, понять, можно ли с этим или иным человеком заводить особые, доверительные отношения.

К каждой встрече разведчик тщательно готовится, а потом вместе с резидентом обсуждает, как она прошла. Американцы знают всех работников советской резидентуры в лицо и тоже пытаются их «разработать». И если кто-то из американцев вступает в контакт с советским разведчиком и изъявляет готовность встречаться, то вполне логично ожидать, что это подстава – специально подготовленный агент ЦРУ.

Тут решающее значение имеет опыт резидента, который должен почувствовать, с кем имеет дело. Поэтому Удальцов подробно расспрашивал своих подчиненных, как шла встреча, что именно говорил собеседник, как себя вел, охотно ли отвечал на вопросы, чем интересовался.

Кроме того, Удальцов решал денежные вопросы – выдавал представительские. В принципе, разведчик получает зарплату по прикрытию: дипломат – в посольстве, журналист – у себя в редакции. На оперативные расходы деньги выдает резидент в пределах определенной суммы. Если же требуются дополнительные средства, то резидент должен обращаться в Москву.

Когда поздно вечером работа заканчивалась, Удальцов переходил на неформальный тон. Он следил за тем, чтобы в резидентуре сохранялась дружеская атмосфера. После работы, чтобы снять напряжение, можно было и пропустить по рюмочке. Это не возбранялось.

Получив и прочитав последнюю шифротелеграмму из Москвы, Удальцов тоже собрался домой. Он спустился вниз и попрощался с дежурным комендантом, который вскочил, чтобы его проводить.

Скворцов хотел было сказать насчет странного человека из Израиля, но не решился. Молодые сотрудники и их жены опасливо посматривали на разведчиков, и тем более – на самого резидента. Не понравись ему, могут досрочно в Москву вернуть с такой характеристикой, что нигде работы не найдешь. И оправдаться невозможно, потому что никто тебя ни в чем открыто не обвинит, а просто в КГБ скажут мидовскому начальству, что считают нецелесообразным посылать такого-то на работу в загранучреждения. И все – невыездной!

Скворцов с резидентом попрощался, а про израильтянина не сказал.

На следующий день Удальцов нащупал слабое место американца и приступил к подготовке решительной атаки. Он уже знал, как это будет сделано. Вербовщика познакомят с Дженкинсом на приеме у французов. Дженкинс придет на прием – он сам об этом сказал жене. Вербовщик, разумеется, не представится своим именем и не назовет своего звания: у него есть официальное прикрытие. Его задача заинтересовать американца и договориться о новой встрече – на сей раз один на один. Обычно это делают в немногочисленном кафе или ресторане подальше от чужих глаз.

Нужную точку Удальцов уже подобрал: дорогой японский ресторан, где неплохо готовят суши, сырую рыбу на рисовых колобках. Он знал, что Дженкинс, вынужденный покинуть Токио, скучает по японской кухне.

Удальцов предупредил своих подчиненных, что весь наличный состав резидентуры будет обеспечивать прикрытие встречи на тот случай, если американец что-то заподозрит и решится на контригру.

В стране, где действует сильная контрразведка, Удальцов озаботился бы более серьезными мерами предосторожности. Может быть, приказал бы за несколько часов до встречи сделать несколько ложных выездов из посольства, чтобы раздробить силы наружного наблюдения. И только затем попросил бы одного из офицеров скрытно вывезти на своей машине вербовщика и оставить его в условленном месте, где другой сотрудник подобрал бы его и доставил на место встречи.

Но в Непале необычная активность резидентуры только бы привлекла внимание и полиции, и тех же американцев, которые постоянно наблюдали за советским посольством.

Удальцов верил в успех, хотя гарантий не было. Несмотря на шантаж, на естественное желание, получив деньги, разом решить все проблемы, конечно же, далеко не все соглашались работать на разведку другого государства.

Одни сразу отказываются наотрез, другие мнутя, говорят: надо подумать, посоветоваться. Этого нельзя разрешать, ответ – любой! – нужно получить в первую же встречу.

– С кем вы хотите посоветоваться?

– С женой.

– Не стоит. Давайте все-таки решим сейчас.

– Тогда я не принимаю ваше предложение.

Отказ не означает, что собеседники подерутся или тотчас кликнут полицию. Напротив, распрощаются они вполне вежливо:

– Расстанемся друзьями?

– Конечно.

Они даже пожмут руки на прощанье.

Американец может не беспокоиться: никогда, ни при каких обстоятельствах советская разведка не сообщит ЦРУ, что старалась его завербовать, никогда не пустит в ход тот материал, на основании которого пыталась его шантажировать.

Но его вербовочное дело в архив не сдадут. Дело останется в американском отделе советской разведки. За судьбой американца будут пристально следить, и, если что-то в его жизни изменится, например, если его обидят на работе или он разочаруется в своей службе, к нему в дверь вновь постучится вербовщик.

Впрочем, Удальцов полагал, что эта вербовка ему удастся. У него был опыт. Председатель КГБ сам вручал ему орден за вербовку американца, который теперь работал шифровальщиком в европейском командовании НАТО.

Удальцов нашел этого американца, военного моряка, в Таиланде. Там американцы, получив увольнительную и сойдя на берег, гуляли напропалую.

Когда все детали будущей вербовки были детально обсуждены, Виктор Платонов, посмеиваясь, рассказал резиденту о визите в посольство странного еврея из Израиля.

– А что он хотел? – насторожился Удальцов.

– Да чего они все хотят? – пренебрежительно заметил Платонов. – Чтобы всех евреев из Союза отпустили.

– Кто с ним разговаривал? – спросил Удальцов.

– Петя Скворцов, – сказал Платонов.

Он всем видом показывал, что резидент напрасно тратит драгоценное время на пустое дело. Удальцов попросил дежурного найти Скворцова. Встревоженный Петя перезвонил буквально через минуту. Он разыскал и принес Удальцову письмо, оставленное странным израильтянином.

На смятом листке бумаги неровным почерком и с ошибками было написано по-английски:

«Я работал в ядерном центре Израиля в Димоне и могу рассказать о том, как Израиль создает ядерное оружие. У меня есть фотографии, сделанные внутри Димоны. Мое имя Мордехай Вануну».

– Где этот парень? – мрачно спросил Удальцов, прочитав послание.

Настроение Платонова вмиг испортилось.

– Будем искать, Тимофей Николаевич, – с готовностью сказал он.

Его искали три дня по всему Катманду, пока завербованный советский агент, работавший в непальской полиции, не сообщил, что гражданин Израиля Мордехай Вануну покинул страну.

Билет у него был до Сиднея.

Удальцов отправил шифровку в Москву, откуда незамедлительно пришел ответ, что человек, работавший в ядерном центре Димона, разумеется, интересует Первое главное управление КГБ, но, вступая в контакт, следует удостовериться в надежности источника.

«Вступать в контакт уже не с кем», – мрачно подумал Удальцов. Платонов настолько ленив, что сам себя наказал. Если израильтянин тот, за кого себя выдает, у Платонова появился бы шанс на повышение.

Удальцов считал, что резидент должен ко всем подчиненным относиться ровно, выделять талантливых и оставаться снисходительным к тем, кого Бог обошел талантом. Но резидент ненавидел бездельников, с которыми он ничего не мог поделать, потому что у них были влиятельные отцы.

Удальцов считался решительным человеком. Он вел себя жестче и принципиальнее других резидентов.

Карьерные дипломаты склонны переоценивать власть резидента и его способность влиять на Москву. Конечно же, его мнение в Центре всегда примут во внимание. Если резидент придет к выводу, что кто-то из сотрудников посольства, консульства или торгового представительства должен быть отозван, и сумеет обосновать свое мнение, то Центр эту рекомендацию выполнит. Но аргументы должны быть убедительными.

Разумный резидент старается не злоупотреблять своими правами. Он не заинтересован в плохих отношениях с послом, и ему не надо, чтобы его оценки сильно расходились с мнением посла. Если посольство и резидентура начнут посылать в Москву шифровки с противоположными оценками одного и того же события, то в Центре зададут резонный вопрос: а кто же из вас прав? И если резидент не докажет свою правоту, то сильно проиграет.

Умный посол и умный резидент между собой не спорят. В нормальной ситуации резидент даже знакомит посла со своей информацией – правда, только на следующий день после того, как отправит ее в Москву, чтобы Министерство иностранных дел не успело доложить наверх первым.

Послу жаловаться на резидента тоже смысла нет: разведка своего человека всегда защитит, а если посол проявит излишнее рвение в борьбе с резидентом, то разведка найдет способ

отомстить. И резиденту не резон капать на посла: если не можешь даже с послом поладить, значит, рано тебя резидентом назначили.

Но бывают ситуации, когда резиденту, если он, конечно, порядочный человек, не остается ничего иного, кроме как сообщить в Москву о поведении посла. В такой ситуации и оказался Удальцов, едва получив назначение в Непал.

Послом был снятый за безделье бывший второй секретарь ЦК одной из союзных республик, самовлюбленный самодур, который командовал дипломатами, как когда-то механиками в автоколонне на целине. Его подчиненные, сотрудники маленького посольства, понимая свое бесправное положение, терпели.

Но когда посол стал преследовать жену своего шофера и, в конце концов, попытался повалить ее на диван прямо у себя в кабинете, в посольстве воцарилась мрачная атмосфера.

Посол – полный хозяин в посольстве. Ни один дипломат, даже советник-посланник, второй человек в представительстве, не может сообщить о его поведении в Москву: шифровальщик принимает телеграммы только за подписью посла.

Спасти несчастную женщину, а в определенном смысле – и все посольство, мог только резидент: у него своя связь с Центром, свой шифровальщик.

Удальцов написал все, как есть. Через неделю посол получил срочный вызов в Москву – на консультации. Назад уже не вернулся. Но и на пенсию его не отправили. Видимо, старые заслуги спасли. Поболтался несколько месяцев в министерском резерве и получил назначение в одну маленькую африканскую страну.

Эта история многих в посольстве заставила уважать Удальцова. Но дипломаты не подозревали, что ему легче было написать в Москву о безобразном поведении посла, чем избавиться от бездельника и неумехи у себя в резидентуре.

В разведку валом валили так называемые «позвоночники» – дети, внуки, зятья высокопоставленных особ. Иногда это были на редкость толковые ребята, намеренные сделать карьеру не хуже отцовской. Но чаще попадались феноменальные бездельники, которых приходилось терпеть, потому что никто в Центре не желал ссориться с их родителями.

Резидент вправе, конечно, убрать слабого сотрудника, склонного, например, выпить. Но когда он это делает, понимает, что портит отношения со многими своими начальниками, которые поставили подписи на решении послать этого сотрудника за границу.

На выездном документе собирается минимум десяток значительных подписей, удостоверяющих своим авторитетом, что данный офицер – замечательный работник, который укрепит работу резидентуры.

Что же им теперь, признаваться, что они ошиблись, выбрали не того человека? На резидента, который откровенно браковал присылаемые из Москвы кадры, смотрели волком.

Другое дело, если случится нечто из ряда вон выходящее.

В резидентуре работал один умеющий радоваться жизни молодой офицер, сын крупного мидовского чиновника. Удальцов докладывал в Москву, что парень ни на что не годится и его нужно возвращать. Но в Центре не реагировали.

Однажды ночью офицер исчез. Жена от большой любви или по большой глупости позвонила помощнику посла по безопасности, подняла шум.

Наутро парень объявился, весь помятый, с похмелья. Его сразу привели к резиденту. Он долго, плача, объяснял Удальцову, что ничего плохого не случилось: пребывал в плохом настроении из-за ссоры с женой, ездил по городу, выпил в баре лишнего и заснул в машине.

Проверить его слова не представлялось возможным. Не то чтобы его кто-то подозревал в чем-то нехорошем, думал, что его вербовали... Резидент сообщил все, как было, без оценок и рекомендаций. Тут уже Москва сама решила: для офицера разведки поведение непозволительное, на такого человека положиться нельзя. Его отозвали.

А вот что делать с Платоновым, резидент не знал. Его отец работал в отделе административных органов ЦК КПСС, и жаловаться на Платонова-младшего означало пилить сук под самим собой. Чутье подсказывало Удальцову, что по глупости Платонова упущен важный источник информации. Но на чутье в шифровке не сошлешься.

Глава вторая

Уведомление об увольнении

Молодой человек по имени Мордехай Вануну, который приходил в советское посольство, был абсолютно несчастен. Он потерял работу, у него не было ни жены, ни детей – и не предвиделось. Он последовательно разочаровывался во всем, во что верил.

Он был сионистом и перестал им быть.

Он поверил в коммунизм, но и эти идеи ему тоже разонравились.

Он считал своим долгом помогать несправедливо обиженному палестинскому народу, но быстро заметил, что он сам палестинцев не интересует, он нужен им как символ, как еврей, который выступает за создание Палестинского государства.

Он влюблялся несколько раз, но безответно. Девушки жаловались на то, что он слишком любит одиночество. И постоянно говорит, что ему ничего не удалось достичь в жизни, потому что он выходец из Марокко.

Он даже рассорился с семьей. Обиделся на отца: зачем он их всех сюда привез?

Мордехай Вануну – впрочем, его все называли просто Мотти – родился не в Израиле, а в Марокко 13 октября 1954 года.

В древнем городе Марракеше, средневековой столице Марокко, издавна обитала еврейская община. Еврейский квартал был своего рода гетто, но другой жизни африканские евреи не знали. Они читали тору, строго соблюдали древние обычаи, занимались ремеслом и растили детей.

В семье Вануну было одиннадцать мальчиков и девочек.

Его отец Шл омо, знаток торы и владелец крохотного магазинчика, решил переехать в Израиль из-за растущих антиеврейских настроений в Марокко. Населяющие Марокко берберы относились к евреям вполне терпимо, но арабские толпы стали забрасывать евреев камнями. Марокканские евреи уезжали, и Вануну-старший испугался, что дальше станет еще хуже.

Мордехая увезли из Марокко, когда ему было восемь лет.

Родители не делились с детьми своими затаенными страхами, и в памяти остались только приятные детские воспоминания. С годами ему стало казаться, что там, в Марокко, на самом деле было совсем неплохо.

А в Израиле семье Вануну пришлось нелегко. Они хотели обосноваться поближе к родственникам – в Мигдаль а-Эмек, неподалеку от Назарета, в обжитом и привлекательном месте. Но их отправили на край пустыни Негев, в Беэр-Шеву.

Первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион мечтал превратить Беэр-Шеву в современный город. Но желающих ехать в пустыню оказалось немного. Туда направляли выходцев из Северной Африки. Беэр-Шева преобразился, там появились крупные современные предприятия. Но рабочих мест хронически не хватало, и люди с образованием уезжали.

Вануну-старший открыл небольшой магазинчик и торговал религиозным антиквариатом. «Стоило ли ради этого уезжать?» – думал Вануну-младший.

Зачем, спрашивается, родители потащили его в Израиль, где к выходцам из Северной Африки относятся пренебрежительно; где ему, родившемуся в Марокко, нет хода наверх?

В Израиле все знают всех: это маленькая страна. Особенно это относится к старшему поколению. Эти люди вместе сражались за независимость, служили в армии или работали в правительстве. Они жили рядом и встречались чуть ли не каждый день. Они все обращались друг к другу по имени.

Многие были связаны родственными узами – правда, это не обязательно помогало им сделать карьеру. Наследственных постов здесь не существует. Можно иметь право называть

премьер-министра по имени, но при этом оставаться мелким служащим. Сын премьер-министра Бен-Гуриона так и прожил свою жизнь владельцем газетного киоска.

Официальное положение – не главное в израильском обществе. Есть министры, с которыми мало кто считается, кроме их собственных подчиненных. И есть внешне малозаметные люди, которые необыкновенно влиятельны. Это Мордехай Вануну понял еще в юности.

Его семья не принадлежала к тем, кто мог на что-то претендовать. В политике, армии, экономике тон задавали выходцы из Европы. Вануну казалось, что они с презрением относятся к нему, африканцу. В юности он пришел к выводу, что ему в этой жизни хода нет.

Уже решив навсегда уехать из Израиля, он встретил вдруг возле кинотеатра школьного товарища. Тот находился в прекрасном расположении духа по случаю рождения второго ребенка, угостил Вануну пивом и рассказал анекдот:

– Ты знаешь, кто такой настоящий израильтянин?

– Ну?

– Это человек, который готов на все, лишь бы отвертеться от военных сборов в мирное время, и который сделает все, чтобы попасть в армию во время войны.

Когда-то уклоняться от военной службы казалось в Израиле делом немыслимым, позорным. Теперь толковая молодежь жалела, что ей приходится терять время в казармах.

Да и вправду ли их отцы были такими суровыми и неприхотливыми бойцами, как они любили говорить? Старшее поколение хотело казаться жестким, немногословным, категоричным. Возможно, постоянные военные сборы и ожидание новой войны и в самом деле сделали их совсем другими, не такими, какими они родились. А может быть, лишь делали вид, что они такие крутые.

Когда Вануну служил в армии, он совершенно не ощущал себя жестким и хладнокровным бойцом, которому все нипочем. И не верил, что остальные чем-то от него отличаются. Он считал, что они просто притворяются, стараясь выглядеть не такими, какие есть.

Его семья переехала в Израиль летом 1963 года. Живой, динамичный Израиль был совсем не похож на сонное Марокко, а после громкой победы в Шестидневной войне 1967 года еврейское государство еще больше изменилось.

До Шестидневной войны Израиль был спокойным местом. Массовая эмиграция евреев, казалось, закончилась. Все, кто мог, приехали. Евреи Западной Европы и Америки предпочитали жить там, где родились. Из Советского Союза и других социалистических стран евреев не выпускали.

Не было террора. Никто, кроме политиков, не говорил о палестинской проблеме. Израильтяне думали, что эпоха войн закончилась, что отныне они будут жить спокойно.

Вануну помнил, что в те патриархальные и тихие времена премьер-министра Бен-Гуриона считали отцом нации. Вануну это не удивляло: в Марокко тоже почитали короля.

Мордехай хотел стать летчиком, но не сдал экзамен. Он провел три года на Голанских высотах в саперных войсках, был старательным солдатом и дослужился до сержанта. Стать офицером не смог – еще одно разочарование. После армии поступил в университет в Тель-Авиве, куда охотно принимали демобилизованных солдат. Собирался стать физиком, но не сдал экзамены после первого курса, и из университета ему пришлось уйти.

Вернулся домой и увидел объявление, что центру ядерных исследований в Димоне требуются квалифицированные технические работники. И тогда же он повстречал старого приятеля, который уже работал в атомной комиссии. Тот сказал, что Димона – отличное место, там неплохо платят.

Мордехай Вануну подал заявление в отдел кадров. Поскольку исследовательский центр принадлежал комиссии по атомным делам, Вануну пригласили на собеседование в службу безопасности. Это была рутинная проверка. Его спросили, не совершал ли он уголовных преступ-

лений, не употреблял ли наркотики и не пьет ли. Еще поинтересовались его политическими убеждениями, которых у него в тот момент просто не было.

Отставной армейский сержант не вызвал сомнений.

Через месяц Вануну получил по почте уведомление, что он принят. В ноябре 1976 года стал получать зарплату в атомном агентстве. Между прочим, в это же самое время тринадцать американских сенаторов попросили правительство Израиля показать им ядерный центр в Димоне, но получили отказ.

Об этой истории Вануну ничего не знал: газет он тогда не читал.

Для начала Вануну отправили на краткосрочные курсы – учиться физике, химии, математике и английскому. Он прошел обучение и сдал экзамен. Это удалось не всем: препятствие преодолели тридцать девять из сорока пяти учеников.

Он дал подписку о неразглашении государственной тайны, но считал это пустой формальностью, не подозревая, чем эта подписка обернется для него в будущем. Кроме того, подписал обязательство не посещать коммунистические или арабские страны в течение пяти лет после ухода с этой работы.

В начале февраля 1977 года Мордехай Вануну впервые сел в служебный автобус «вольво», который привез его в исследовательский центр в Димоне. Ему выдали пропуск N 9657-8 и отправили на медицинскую комиссию, а затем опять послали учиться.

Здесь же, в Димоне, он постигал основы ядерной физики. Еще десять недель осваивал тонкости своей специальности в цехе номер два. Учебный курс закончился приятной вечеринкой.

Жизнь казалась устроенной.

Вскоре он в полной мере оценил, что значит работать в Димоне. Вануну призвали в армию на сборы резервистов, как это происходит со всеми в Израиле. Но когда выяснилось, чем именно он занимается, мгновенно отпустили. Он вернулся в свой цех. Вместо военных сборов поставили в ночную смену – с половины двенадцатого до восьми утра.

Через несколько недель его работу проверила комиссия из трех человек, которая состояла из местного инженера, ядерного физика и преподавателя курсов в Димоне. Комиссия осталась довольна его знаниями, практическими навыками и природной сметкой. Он приступил к исполнению обязанностей контролера цеха № 2 и проработал на этом месте девять лет. Поначалу работа его устраивала, но оказалась слишком монотонной. Год за годом одно и то же. Никакой перспективы: как был контролером, так им и остался. С его образованием рассчитывать на что-то большее не приходилось.

В 1979 году он поступил на вечернее отделение университета имени Бен-Гуриона в Беэр-Шеве – взялся изучать экономику и философию.

Ему неплохо платили, он купил квартиру и летом 1980 года совершил большое путешествие по Европе – попал в совершенно иной мир и возвращаться в Израиль совсем не хотелось.

«Мое слабое место – отсутствие настойчивости, – записал Вануну в дневнике. – Я быстро теряю интерес к тому, чем занимаюсь, и слишком быстро разочаровываюсь в собственных идеях. Новая идея может захватить меня полностью, но воодушевление столь же быстро проходит».

Он заинтересовался марксизмом и неожиданно для своих знакомых сблизился со студентами-арабами.

Вечерами, прогуливаясь со своей девушкой, Вануну жаловался на несправедливость судьбы. Считая, что достоин большего, повторял: ему так и не удастся занять свое место в жизни, потому что он выходец из Марокко.

Он попытался искать помощи у тех, кто тоже прибыл из Марокко. Самым известным выходцем из этой страны был профсоюзный лидер Еошуа Перец. Он тоже когда-то работал в Димоне слесарем, а теперь его знала вся страна.

Семья Переца эмигрировала в Израиль еще в 1950 году. Здесь он окончил школу, в армии служил поваром. После армии устроился на работу в порт Ашдод и почти сразу проявил себя на профсоюзном поприще. Возглавил борьбу рабочих, которых ждало увольнение: проводил забастовки, демонстрации, голодовки и добился успеха. Неопытная администрация порта, напуганная его бешеной энергией и напором, пошла на попятный.

Директором службы портов был, между прочим, не менее известный в стране человек – бывший начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля Хаим Ласков. Отслужив в этой должности три года, генералы обычно снимали погоны и уходили в отставку. Знаменитый генерал Ласков, который не уступал врагу на поле боя, спасовал перед напористым профсоюзным вожаком.

В отличие от генерала Ласкова, который исходил из того, что даже война ведется по каким-то правилам, Перец не церемонился. У него был только один лозунг: умрем, но не откажемся от своих требований.

Он был нагл до бесконечности, и рабочим это нравилось.

Перец запросто мог остановить работу второго по величине порта страны, принося огромные убытки, не нарушая при этом закона. Придраться было не к чему. Начиная борьбу с администрацией порта, он знал, что не остановится, пока та не уступит.

И это неизменно приводило к успеху. У руководства порта не выдерживали нервы, оно не могло организовать работу, и вся страна несла убытки.

Забастовки стали показывать по телевидению, и Перец оказался первым израильтянином, который получил известность именно благодаря телекамерам. Жесткие методы Переца раздражали даже руководство профсоюзного объединения Гистадрут, которое отказывалось его признавать, подавало на него в суд, но вынуждено было отступить.

Перец нравился рабочим и вскоре возглавил всеизраильский комитет портовых рабочих. В конце концов, он добился увольнения генерала Ласкова. А новый директор мудро начал свою деятельность с того, что отправил Переца и его профсоюзных помощников в длительное туристическое путешествие по Европе за счет администрации.

Перец умел наслаждаться жизнью. Даже во время забастовок он получал зарплату и премию. Администрация порта оплачивала его секретаршу. Эта секретарша долго продержала Вануну в приемной, а разговор оказался совсем коротким.

Перец давно научился разбираться в людях. Он увидел, что к нему пришел типичный неудачник, которому суждено всю жизнь обивать пороги. К тому же Вануну не работал в порту и не мог проголосовать за Переца... Знаменитый профсоюзный вожак не привык тратить время на тех, кто был ему бесполезен.

Вануну ушел от Переца разочарованным. Когда ему сказали, что у фанатичного борца за рабочее дело Переца две квартиры и две жены, он мрачно усмехнулся: от такого человека разве дождешься помощи?

У Переца, действительно, были две жены: одна официальная, которая рожала ему дочерей, и вторая, с которой он появлялся на людях, она родила ему сына.

Вануну попытал счастья еще у одного видного выходца из Марокко и тоже профсоюзного деятеля – Шаула Бен-Симхона.

Он был на двадцать с лишним лет старше Вануну и эмигрировал в Израиль в начале 1948 года. Еще до провозглашения еврейского государства Бен-Симхон успел вступить в подпольные боевые формирования Пальмах и участвовал в Первой арабо-израильской войне. Боевое прошлое помогло ему устроиться в мирной жизни.

Профсоюзной работой, как и Перец, он стал заниматься в портовом городе Ашдод: работал на разных должностях, пока не стал секретарем рабочего совета города.

После Шестидневной войны 1967 года Бен-Симхон начал кампанию за иммиграцию в Израиль евреев – уроженцев Северной Африки, которые обосновались во Франции или дру-

гих странах Западной Европы. Особенно зазывал молодежь, студентов, выбивал для них стипендии.

Путаясь в словах, Вануну сбивчиво стал жаловаться Бен-Симхону, который в отличие от Переца старался ничем не выдать своих чувств. Он с сожалением смотрел на еще одного несчастного выходца из Северной Африки, который оказался между двух миров. Много он видел таких молодых людей, которые не смогли найти себе место в Израиле, потому что им мешало их прошлое.

А Вануну с завистью разглядывал высокого, с седыми вьющимися волосами Бен-Симхона. Профсоюзный лидер следил за собой и был модно одет. Вануну обреченно решил, что и этот человек его не поймет: Бен-Симхон жил в ином мире. Дружил с такими знаменитыми людьми, как министры Моше Даян и Шимон Перес. Где же ему понять Вануну?

Бен-Симхон пригласил Вануну чаще бывать в союзе иммигрантов из Северной Африки: – Там вы будете среди своих.

Но Вануну жаждал другого. Он хотел признания не среди своих. Он хотел, чтобы его признали своим те, кто стоял у власти. Он три года провел в армии, девять лет отработал в исследовательском центре в Димоне, честно исполнял свой долг. И что же? Служил-служил, а ничего не выслужил.

Если государство обращается с ним, как с пасынком, он лучше уедет. Он ничего не должен этой стране. Это Израиль перед ним в долгу.

Мотти продал свою квартиру в Беэр-Шеве, и у него собрались кое-какие деньги. Он не поехал ни в Соединенные Штаты, ни в Европу. Там ему нечего делать. Ему хотелось назад в Северную Африку, мечталось побывать в Марокко, но с его израильским паспортом там лучше не показываться.

И он полетел в Юго-Восточную Азию. Таиланд – рай для туристов, в аэропорту даже визы не требуется – при наличии денег и обратного билета. Мотти погулял по Бангкоку, осмотрел местные достопримечательности, но надолго не задержался. Таиланд – слишком шумное место, где ценят только американцев, которые сорят деньгами. Вануну экономил на всем и опять чувствовал себя обделенным жизнью.

Из Таиланда перебрался в Бирму, оттуда через неделю – в Непал, сонное королевство, затерянное в Гималаях. Тут ему больше понравилось. Это была бедная, неиспорченная страна, с удивлением разглядывавшая иностранцев. Мотти стал ходить в буддийские монастыри, познакомился с монахами и принял буддизм. Это оказалось совсем несложным делом – не то, что перейти в христианство или иудаизм с их скрупулезно разработанными обрядами.

Простая и ясная жизнь монаха показалась ему заманчивой.

Вместе с другими монахами он поднимался до восхода солнца и погружался в медитацию. Еда была скудной, день заполненным молитвами и тяжелым физическим трудом. Но скоро Мотти стал скучать. Язык непали он не выучил, да и говорить с монахами было не о чем.

Подумал, что, вероятно, не готов посвятить себя служению Будде: возможно, он потропился... Но найти работу в Непале не было никакой возможности. Он мог только продать то единственное, что у него оставалось. Его сокровище умещалось в большом бумажном пакете.

Но кому его предложить?

Мотти раскрыл телефонный справочник Катманду и стал его просматривать. Пробежал глазами список посольств. Арабские страны, скорее всего, заплатили бы ему большие деньги. Но боялся, что арабы ему просто не поверят. Идти в западные посольства бессмысленно – американцы или европейцы отдадут его в руки Моссад. Он отправился в советское посольство, однако и там у него ничего не вышло.

Глава третья

Пенсионер из службы безопасности

Все посетители советского посольства в Катманду тщательно фотографировались местной полицией, снимки передавали американцам. Снимок Мордехая Вануну оказался достаточно четким. Некоторое время его фотография циркулировала по американским специальным службам, но никто молодым человеком не заинтересовался. Тогда его показали коллегам из братских спецслужб. В последнюю очередь дали израильтянам.

Возможно, они бы тоже не обратили на него внимания. Но фотография попала в руки человека, мимо которого и муха не пролетит.

Когда старый Зеев появился в приемной заместителя директора израильской контрразведки Шин-Бет, секретарь в больших очках посмотрела на него с изумлением: вот уж кого она меньше всего рассчитывала здесь увидеть.

Зеев был не просто самым рядовым из рядовых. Его вообще держали в Шин-Бет, можно сказать, из милости. Все его ровесники – конечно, те, кому удалось дожить до пенсионного возраста, давно покинули это здание. Старше Зеева здесь никого не было. И он-то как задержался, непонятно.

– Вас вызывали? – пренебрежительно спросила секретарь.

Зеев покачал головой.

– Так чего же вы хотите?

– Запишите меня на прием, – твердо сказал Зеев.

Он сел на жесткий стул и приготовился ждать. Его пальцы цепко сжимали тонкую пронумерованную папку. Секретарь громко вздохнула и поняла, что от этого старикана ей не отделаться.

Во всяком учреждении есть своя серая мышь – скучный, ничем и никому не интересный человек, от которого мухи дохнут. Он не рассказывает анекдотов, не пьет кофе со всеми, не хвастает успехами детей. Роется целыми днями в каких-то бумагах и неустанно находит какие-то блохи в работе коллег, вызывая гнев сослуживцев и раздражение начальства, которое, конечно же, признать бдительному коллеге... Но от него столько неприятностей!

Жалкий канцелярист Зеев работал в контрразведке Шин-Бет чуть ли не с первого дня ее существования. Его давно должны были отправить на пенсию, но он занимал столь ничтожную должность, что никто на нее не покушался. Два года назад ему поручили просматривать списки приезжающих в Израиль и уезжающих из страны. Никто из молодых не хотел заниматься этой скучной работой.

Всех, кто получал въездную визу для посещения Израиля, проверяли самым тщательным образом – не террорист ли, не работает ли на палестинцев? Но и каждый израильтянин, который хотел побывать за границей, тоже не оставался без внимания контрразведки – почему уезжает из страны? Тот ли, за кого себя выдает?

Так что просматривать потом сводные списки приезжающих и уезжающих не было ни малейшей необходимости. Молодежь, глядя на старого Зеева, ворчала, что незачем придумывать за счет тощего бюджета занятия ветеранам, которым пора нянчить внуков, а то и правнуков. Но серая мышь каждый день приходила на работу, садилась на свой, самый неудобный во всем управлении стул и приступала к делу.

Говорили, что Зеев начинал еще с легендарным Несером Харелом, создавшим службу внутренней безопасности 30 июня 1948 года. Через полтора месяца после провозглашения еврейского государства, которое уже успело за этот срок отразить первое нападение арабских армий.

Харел родился в Витебске, его настоящая фамилия Гальперин. В 1922 году в высшей степени религиозная семья переселилась в Латвию, а в 1931 году он приехал в Палестину, где работал в кибуце, а потом вступил в подпольные боевые отряды Хаганы. Иссер Харел был прирожденным лидером.

Подчиненные его побаивались, называли либо Наполеоном, либо Иссером Грозным, помня, что он родом из России.

Сидя в приемной высокого начальника, Зеев вспоминал, как Иссер Харел занял под свою службу несколько опустевших зданий в Яффе. Эти дома не годились для контрразведки, но в те времена такие мелочи никого не беспокоили. Сотрудники данного ведомства раздобыли себе несколько столов и начали работать. После поспешного отступления арабских армий они собирали по всему городу важные бумаги, оставленные противником.

Первые два года служба безопасности считалась частью вооруженных сил. Ее сотрудникам присвоили воинские звания, жалование им тоже платила армия. Сам Харел стал подполковником. Зеева произвели в сержанты. Выше он не поднялся.

Харел считал, что служба безопасности должна быть гражданским учреждением, и хотел освободиться от армейского руководства. Он добился своего, но зарплату контрразведчикам по-прежнему должно было платить Министерство обороны, которому, однако, стало жалко отдавать деньги на сторону.

Пользуясь случаем, Харел доложил премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону, что пятнадцать его сотрудников, которые выполняют задания за границей, не получают зарплаты восемь месяцев. Бен-Гурион распорядился немедленно заплатить. И после этого служба безопасности стала подчиняться непосредственно главе правительства.

В первые годы существования Израиля люди нищенствовали, двести тысяч новых иммигрантов разместились в палатках, продовольственные склады опустели, страна оказалась на грани голода, была введена карточная система. Многие в стране жили за счет черного рынка. Но Бен-Гурион мог рассчитывать на Харела. «Все иммигранты говорят о nepoтизме, – записал премьер-министр в своем дневнике. – Трудно найти семью, которая не покупала бы что-нибудь на черном рынке. А в доме Харела нечего есть, потому что он не ходит на черный рынок».

А с другой стороны, это было веселое время. Харел сам набирал себе людей, назначая им встречи в кафе в Яффе, неподалеку от своей штаб-квартиры. Он внимательно смотрел на человека, задавал ему несколько вопросов и сразу же, без всякого отдела кадров, без проверки и согласований, решал, брать его или не брать. Вот так он взял к себе Зеева, который ничего про себя рассказать не сумел и не обладал никакими очевидными достоинствами, за исключением того, что владел арабским языком в совершенстве.

Сначала Зеева назначили в управление контрразведки в Тель-Авиве. Управление возглавлял Яков Карош, который родился в Венгрии. Он потом перешел в Моссад и сделал большую карьеру в разведке.

В Тель-Авиве находились иностранные посольства и миссия Организации Объединенных Наций. Это было самое трудное место для начинающих контрразведчиков: им нужно было учиться выявлять иностранных шпионов и самим следить за иностранцами.

Новичкам из Шин-Бет особенно нравилось ставить скрытые микрофоны в кафе, где проводили свободное время сотрудники миссии ООН, и слушать их откровенные разговоры.

Зеева к этим играм не подпускали. Его и тогда считали скучным и ненаходчивым. Его скоро убрали из этого управления и посадили вести арабскую картотеку – списки тех, кто ненавидел еврейское государство и пытался его уничтожить. На этой канцелярской должности Зеев провел лет двадцать.

Все руководство Шин-Бет состояло из евреев европейского происхождения. Это была линия Харела. Выходцев из арабских и африканских стран держали на оперативной работе.

Харел не доверял своим арабистам, которые сами родились в арабских странах и утверждали, что знают и понимают менталитет арабов. Иногда им трудно было объяснить начальникам-европейцам, что арабы не терпят суеты, что к ним надо уметь найти подход, разговаривать не торопясь, спокойно и уважительно, и что доверие арабов завоевывается постепенно.

Вскоре Харел ушел в разведку, в Моссад. После него год Шин-Бет руководил Иси Дорот, но широкой публике об этом стало известно только после его смерти, тридцать лет спустя.

Иси Дорот родился в Польше, в 1936-м приехал в Палестину. Во время Второй мировой войны служил в британской армейской разведке сержантом и допрашивал пленных немцев: через британскую армию прошли многие из сотрудников Шин-Бет.

Потом Харел забрал Дорота к себе в Моссад заместителем, а новым начальником Шин-Бет предложил Амоса Манора.

Амос Манор родился в венгерской Трансильвании. Отец научил его ивриту и игре в футбол – это увлечение осталось у него на всю жизнь. Он учился в Париже, когда началась Вторая мировая война. Манор попал в Освенцим, но выжил.

Приехав в Израиль в 1949 году, он стал быстро подниматься по государственной лестнице, несмотря на отсутствие прочных партийных связей: у него была замечательная голова, в которой рождались прекрасные идеи.

Помощники премьер-министра были против назначения Амоса на высокий пост, потому что он совсем недавно прибыл в Израиль, и ему еще не доверяли. Но Харел тут же пригрозил уйти в отставку, если его рекомендацию отвергнут: он часто грозил отставкой, и всякий раз успешно. Амоса утвердили начальником службы безопасности.

Старый Зеев хорошо помнил Амоса. Это был высокий и очень энергичный человек. В нем было столько энергии, что, когда он входил в комнату, бумаги слетали со стола. Амос обладал хорошим чувством юмора и работать с ним было легко и приятно.

Почти десять лет само существование службы безопасности Шин-Бет отрицалось, пока глава правительства Бен-Гурион сам не сделал признание в июне 1957 года в кнессете.

Тогда премьер-министр сказал, что у Израиля есть секретная служба. Ее основная обязанность – борьба со шпионажем. И еще Бен-Гурион заявил: «Мы должны следить за людьми и организациями, которые составляют пятую колонну или могут стать пятой колонной».

В то время Бен-Гурион еще не предполагал, что терроризм со временем станет главной проблемой Израиля. В октябре того же 1957 года во время заседания кнессета молодой человек, находившийся на балконе для гостей, бросил гранату. От ее взрыва пострадали сам Бен-Гурион и Голда Меир, которая позднее станет премьер-министром Израиля. Террорист оказался психически неуравновешенным человеком.

После признания главы правительства Шин-Бет ежегодно представляла отчет о своей деятельности комитету кнессета по международным делам и обороне. Но депутаты знали, что ничего важного в этих отчетах нет и быть не может.

Охрана высших должностных лиц, как и защита секретной информации, тоже была одной из обязанностей Шин-Бет. Но ни Давиду Бен-Гуриону, ни сменившему его на посту премьер-министра Моше Шарету не нравилось, что их повсюду сопровождают сотрудники Шин-Бет. Хотя однажды офицер охраны вернул Моше Шарету портфель, полный секретных документов, который рассеянный премьер-министр оставил по пути из Иерусалима в Тель-Авив.

Реальных шпионов в Израиле было не много. В конце пятидесятых сирийская разведка отправила двух агентов с безнадежным заданием проникнуть на ядерный объект в Димоне, их тотчас схватили. Один иракский еврей перед эмиграцией в Израиль согласился работать на иракскую разведку, но почти сразу был арестован.

Двух шпионов разоблачил тихий и скучный Зеев. Началось это с того, что недавний эмигрант из Марокко по имени Хаим Авергил, чья жизнь в Израиле не удалась, убежал в соседнюю Иорданию и предложил властям свои услуги. Ему пообещали помочь вернуться в Марокко

и снабдить деньгами, если он поработает на иорданскую разведку. Для начала перебежчику поручили допросить нескольких евреев, которые случайно оказались на иорданской территории и были арестованы. Вернувшись в Израиль, они, между прочим, рассказали и об этом странном человеке, который очень похож на еврея и говорит на иврите с марокканско-французским акцентом.

Пунктуальный Зеев записал их показания на отдельную карточку и запомнил. Когда Авергил на следующий год объявился в Израиле, Зеев заглянул в свою картотеку. Авергила арестовали, судили и приговорили к четырем годам тюремного заключения.

Через три года еще один выходец из Марокко – Мордехай Лук – сбежал к египтянам. Он явно не годился в агенты, но египтяне так обрадовались, что у них в руках настоящий израильтянин, что попытались использовать его как шпиона. Они собирались сделать ему пластическую операцию и с новыми документами отправить в Израиль, чтобы он открыл туристическое агентство: туристический бизнес – это замечательное прикрытие для разведчика, поскольку позволяет общаться с самыми разными людьми и свободно ездить за границу. Но египтяне действовали на редкость неумело. Разведчик из Мордехая Луки не получился. Он, в конце концов, попал опять в Израиль, где его приговорили к одиннадцати годам тюремного заключения.

Вот с тех пор Зеев стал присматриваться к выходцам из Марокко. Он ни с кем не делился своими сомнениями, но твердо уверился в их неблагонадежности.

Просматривая списки уехавших из Израиля, Зеев обратил внимание на некоего Мордехая Вануну, тоже выходца из Марокко.

Этот молодой человек в досье значился безработным. Он не имел отношения ни к армии, ни к секретным объектам. Его фамилия не была включена в список лиц, чей выезд за границу представлялся нежелательным. Но старомодного Зеева смутило, что за границу отправился безработный. Раз он остался без работы, значит у него не должно быть денег – так рассуждал Зеев.

Зеев написал короткие запросы в другие отделы Шин-Бет: не значит ли где богатенький безработный Мордехай Вануну?

Через два дня Зеев получил ответ из отдела, который занимался обеспечением безопасности на особо секретных объектах. Чутье не обмануло старого Зеева: Мордехай Вануну лишь недавно стал безработным. Безработные же не представляли особого интереса для Службы безопасности. Меняло дело только то, что до этого данный человек несколько лет проработал в ядерном центре в Димоне, охранять секреты которого было поручено именно Шин-Бет.

Как же могло произойти, что Вануну отпустили без предварительного с ним разговора? И зачем он вообще уехал из страны?

Пока Зеев размышлял над этой историей, союзники переслали израильтянам фотографию Вануну, выходящего из здания советского посольства в Непале.

Появление Вануну в советском посольстве подтверждало худшие подозрения Зеева. Зачем парню было идти в советское посольство, кроме как с предложением продать секреты, к которым он был допущен?

Зеев написал от руки короткую докладную записку, причесался и пошел к начальству.

Начальник Шин-Бет когда-то руководил советским направлением в отделе контрразведки и не сомневался, что советская разведка не упустит такого случая. Он был уверен, что вскоре Вануну окажется в Москве и все расскажет КГБ.

Когда нынешний начальник Шин-Бет поступил на работу в контрразведку – еще до войны 1967 года, штат российского посольства в Израиле насчитывал примерно шестьдесят человек.

Он подозревал, что добрую половину из них составляли разведчики. Его сомнения усилились, когда он обратил внимание на то, что группа советских археологов, которая приехала в Израиль, почему-то больше интересовалась текущими делами, чем древностями.

В Шин-Бет исходили из того, что Советский Союз с помощью своей агентуры, коммунистов, просоветски настроенных палестинцев пытается подтолкнуть арабов к гражданской войне против евреев, то есть превратить Израиль во второй Алжир, где французы и алжирцы много лет безжалостно убивали друг друга.

Мнимые дипломаты из чешского, польского и румынского посольств в Израиле тоже занимались разведывательной работой, и весьма активно. Иногда им удавалось завербовать кого-то из израильтян.

Начальник Шин-Бет в молодые годы сам участвовал в следствии по делу сотрудника израильского посольства в Югославии по имени Авни, который был доставлен домой и на закрытом процессе осужден за шпионаж.

Авни родился в Швейцарии, где его родители даже познакомились с Лениным. Эмигрировав в Израиль в 1948-м, он поступил на дипломатическую службу. Там им были очень довольны, поскольку он говорил на многих языках. До командировки в Югославию Авни служил торговым атташе в Бельгии, Нидерландах и Люксембурге. Он помогал Моссад, исполняя роль почтового ящика: передавал указания из Центра израильским агентам, работавшим под коммерческим прикрытием. Всех их Авни выдал.

С той поры начальник Шин-Бет больше всего ненавидел израильтян, которые выдавали врагу своих. Для него Мордехай Вануну тоже стал врагом, которого надо было остановить.

Историю Мордехая Вануну, работавшего в Димоне, оперативный отдел Шин-Бет оформил в розыскное дело и познакомил с ним коллег из военной разведки и политической разведки Моссад. Директор Моссад со вниманием прочитал справку, переданную из контрразведки Шин-Бет.

Он, конечно же, не помнил многодетную семью Вануну, но знал множество других еврейских семей, которых тайно и с риском для жизни вывозил из Марокко.

... 11 января 1961 года, поздно ночью, небольшой пароходик напоролся на камни и пошел ко дну поблизости от марокканского побережья. Утонули все, кто был на борту: рулевой, сорок два марокканских еврея и сотрудник Моссад. Это судно, ходившее под гондурасским флагом, нелегально перевозило евреев из Марокко на Гибралтар, управлявшийся англичанами.

Погибший сотрудник Моссад был отцом нынешнего директора разведки. Его сын, совсем еще молодой офицер, заменил отца на боевом посту.

Операция по вывозу евреев из Марокко была самой длительной, масштабной и удачной (если не считать гибели парохода) операцией израильской разведки. Она продолжалась семь лет. А началась в последние годы борьбы Марокко за отделение от Франции и Испании. В ноябре 1954 года сотрудник Моссад Шломо Хавилио отправился в большую поездку по Магрибу: побывал в Марокко, Алжире и Тунисе. Вернувшись домой, доложил начальству, что эти три страны вскоре получат независимость – и это хорошо.

Но плохо то, что национально-освободительные движения в Магрибе установил и тесные отношения со злейшим врагом Израиля президентом Египта Гамалем Абдель Насером. Когда к власти придут националисты, еврейским общинам придется тяжело, их станут воспринимать как врагов. Вывод: Израиль должен подумать о том, как защитить магрибских евреев, а еще лучше – вывезти их оттуда.

Хавилио предложил создать единую для всего Магриба организацию по спасению евреев со штаб-квартирой в Париже и отделением в городе Танжере, который по старому франко-испанскому договору до середины 1956 года еще оставался международной зоной. Для всей работы требовалось двадцать человек, из них восемь должны были заниматься Марокко, где находилась самая большая еврейская община.

В конце апреля 1955 года Яков Карош, резидент Моссад в Париже, встретился с верховным комиссаром Франции по делам Марокко Фрэнсисом Лакостом. Марокко еще оставалось французским протекторатом. Пока французы были на месте, евреи чувствовали себя в отно-

сительной безопасности. Но французское правление должно было закончиться 2 марта 1956 года. Израиль попросил Францию разрешить всем евреям уехать из Марокко. Но Франция, не желая раздражать марокканцев, ограничила еврейскую эмиграцию. Комиссар Лакост сказал, что из Марокко не должно уезжать более семисот евреев в месяц.

Правительство Бен-Гуриона приняло предложение Моссад, и группа разведчиков отправилась в Париж в августе 1955 года, чтобы проложить маршруты для вывоза евреев. Самое время! 24 августа группа восставших марокканцев ворвалась в еврейское гетто неподалеку от Касабланки и убила восемь евреев, покалечила сорок и сожгла их дома. С каждой неделей угроза для марокканских евреев становилась все очевиднее.

Созданная в Касабланке тайная организация занималась вывозом евреев и одновременно готовила отряды самообороны. Сотрудники Моссад сомневались, что они успеют всех вывезти, поэтому оставшихся надо было научить защищаться. Удалось обучить примерно шестьсот молодых евреев, причем часть из них прошла боевую подготовку в Израиле и во Франции.

Самые трудные времена наступили в середине 1956 года. Под давлением арабских стран султан Марокко приказал закрыть транзитный лагерь для уезжающих евреев. А начальник марокканской секретной службы вовсе и вовсе запретил эмиграцию в Израиль. Выезд евреев стал считаться незаконным.

К тому времени из Марокко в Израиль уже уехало сто десять тысяч евреев. Но еще сто тысяч оставались в стране.

Операцией руководил из Парижа резидент Моссад Яков Карош. У него была постоянная радиосвязь с агентами внутри Марокко и сеть специально обученных курьеров, которые неустанно путешествовали по маршруту Париж-Касабланка.

Агенты Моссад постарались наладить осведомительную сеть внутри марокканской полиции, армии и секретной полиции. Это вполне удалось с помощью проверенного на Востоке средства – «барашка в бумажке».

Однажды израильская разведка узнала, что марокканская полиция располагает ордерами на арест четырех агентов Моссад, которые занимались вывозом евреев. Разведке удалось задержать на несколько часов исполнение приказа и переправить всех четверых за границу. Директор Моссад Иссер Харел потом признался, что только на взятки марокканским чиновникам ушло полмиллиона долларов.

Бежавшим из страны евреям раздавали либо старые французские паспорта, либо фальшивые марокканские: их производили в больших количествах лучшие израильские специалисты по изготовлению поддельных документов, которых срочно командировали в Париж и Марсель.

Оперативники Моссад собирали евреев по всему Марокко и размещали на квартирах поблизости от портов. Если полиция задерживала еврейские семьи, они сочиняли какую-нибудь историю: дескать, идем на свадьбу или на футбольный матч.

На рыбацких судах их доставляли на Гибралтар, где разместился транзитный лагерь Еврейского агентства, оттуда везли в Марсель, а потом уже самолетом или пароходом переправляли в Израиль.

Вся эта операция проводилась с молчаливого согласия испанских властей. Если бы Испания сказала «нет», ничего бы не вышло. Испанцы, вероятно, хотели замолить свою прежнюю дружбу с Гитлером и Муссолини.

Британские власти тоже были на диво любезны. Зимой английские полицейские встречали замерзших марокканских евреев с термосами, наполненными горячим чаем. Британцы помогали эмигрантам с проездными бумагами, а потом стали пропускать их на Гибралтар и вовсе без паспортов.

Марокканское правительство время от времени делало грозные антиеврейские заявления, чтобы ладить с арабскими странами, но шло на уступки, когда на страну давили Соединенные Штаты или Западная Европа.

Страной правил Мухаммед бен Юсуф, которого считали тридцать четвертым потомком Пророка и двадцатым султаном из Алавитской династии. Глава правоверных и потомок Пророка, он обладал огромным авторитетом в стране.

Султана выбирал совет улемов. В 1957 году султан избавил их от этих хлопот и упростил собственную ЖИЗНЬ: провозгласил себя королем Мухаммедом V, а сына, принца Мулая Хасана, назначил наследником престола. После смерти отца принц стал королем под именем Хасан II.

В Марокко правила просвещенная и вполне разумная монархия. С королями стране повезло. И Мухаммед, и Хасан были умными и гибкими монархами. Они ввели в стране конституцию и многопартийность, умело лавируя между населяющими страну арабами и берберами.

Сплачивая народ, молодой принц Хасан женился на берберке из влиятельного племени. Когда его власть укрепится, король найдет себе новую королеву – на сей раз француженку...

Директор Моссад Иссер Харел несколько раз сам тайно приезжал в Марокко. Однажды он провел в стране две недели, наблюдая за тем, как идет эвакуация евреев. В 1960-м вместо Шломо Хавилио операцию в Марокко возглавил Олек Гутман, в годы Второй мировой войны он партизанил в Польше.

Как уже говорилось выше, в январе 1961 года вблизи марокканского берега пошел ко дну пароход с евреями-беженцами. В годы Второй мировой войны это судно использовалось союзниками для того, чтобы подбирать сбитых над Средиземным морем летчиков. С тех пор оно стало слишком старым.

Когда пароход затонул, марокканские власти взялись искать тех, кто вывозит евреев. Начальник секретной полиции Марокко, печально знаменитый своей жестокостью генерал Мохаммед Уфкир приказал найти и арестовать участников подполья. Полиция схватила двадцать человек, их пытали, и один из них умер, не выдержав истязаний.

Мировое общественное мнение осудило Марокко. Группа американских конгрессменов пригрозила заморозить помощь этой стране. Новый американский президент Джон Кеннеди отправил личное письмо королю Мухаммеду V.

Президент Франции де Голль посоветовал королю Марокко при удобном случае отпустить евреев. У него были особые отношения с Мухаммедом V, которого в 1953 году французские власти на два года сослали на Мадагаскар. Однажды де Голль сказал Мухаммеду V: «Ваше величество, вы страдали. Я поздравляю вас. Подвергнув вас такому испытанию, вам оказали услугу. Ибо надо страдать, чтобы стать великим!»

Комплимент Шарля де Голля многого стоил. И марокканский король обычно откликался на слова французского президента. Но тут был особый случай. Арабские страны требовали от короля не выпускать евреев: ведь каждый новый еврей в Палестине укреплял Израиль, который подлежал уничтожению. И король не хотел из-за евреев ссориться со всем арабским миром.

Но 25 февраля 1961 года король умер. Новым королем стал его сын Мулай Хасан, который решил, что реальный союз с Западом выгоднее для Марокко, чем братство на словах с арабским миром. Он разрешил выдавать евреям, желающим уехать, так называемые «групповые паспорта». В течение следующих двух лет почти все остававшиеся в стране евреи покинули Марокко.

Так мальчик по имени Мордехай Вануну оказался в Израиле, откуда уже взрослым человеком он уедет без всякого сожаления.

...С той минуты, когда стало ясно, что Вануну покинул страну отнюдь не с туристическими целями, израильтяне стали его искать. В Непале его уже не застали. Агентам Мос-

сад рассказали, что он улетел в Австралию. Его предстояло найти на этом огромном континенте, который израильтянам, живущим на узкой полоске земли, казался просто бескрайним. Но начальник контрразведки Шин-Бет продолжал считать, что русские уже вывезли Вануну к себе. Он сильно ошибался...

Глава четвертая

Разговор с военным цензором

Первые слухи о беглом технике появились в Израиле весной. Поговаривали, что израильская контрразведка Шин-Бет совершила непоправимую ошибку, разрешив уехать за границу работнику центра ядерных исследований в Димоне.

За этот прокол сотрудницу учетного отделения контрразведки Шин-Бет уже уволили. Замороженная домашними проблемами, пожилая женщина отнеслась к делу формально, не проявила должной бдительности.

В документах беглец значился безработным, а к безработным какие претензии? Пусть едет, если надеется, что за границей ему повезет больше, решила она. Кроме того, до увольнения Вануну был всего лишь простым техником. А это сотрудник низкой квалификации, не допущенный к особо секретным материалам, не имеющий доступа к охраняемой информации. Тем более, что его уволили по сокращению штатов как не очень ценного работника. Следовательно, препятствий для выезда за границу у него нет, подумала она и поставила на запросе разрешительный штамп.

Но она, конечно же, должна была обратить внимание своего начальства на то, что желание уехать из страны изъявил бывший сотрудник центра ядерных исследований в Димоне. Все, решительно все, кто там работает или работал, находятся на особом учете. Упустила, упустила...

Димона – один из новых городов в пустыне Негев. Его население – всего двадцать тысяч человек. Абсолютное большинство – выходцы из Северной Африки. Город основали в 1955 году для рабочих поташных заводов на Мертвом море и для тех, кто приехал на фосфатные разработки.

Ядерный центр находится в нескольких километрах от города. С дороги его практически не видно, а ближе не подпускают: это строго охраняемый объект.

Сколько существует ядерный центр в Димоне, столько и идут о нем разговоры. Все уверены, что там делают ядерное оружие. Но никто не знает, сделали его уже или еще нет. А тут заговорили, что некий техник из Димоны обосновался в Австралии и по секрету рассказывает знакомым, что в центре ядерных исследований действительно производят ядерное оружие. И у него на сей счет есть подлинные документы.

Сотрудника самой популярной в стране газеты «Маарив» Эфраима Рафаэля в Димону не пустили. В комиссии по атомной энергии на его вопросы о беглом технике ответили, что о таковом ничего не знают.

Но материал для небольшой книги о ядерной программе Израиля у Рафаэля так и так уже был собран. Слухи о беглом технике только подстегнули его творческую энергию.

Эфраим Рафаэль выпросил в редакции отпуск и работал над книгой ровно месяц. Ему самому рукопись понравилась. Прежде чем отдавать ее издателю, следовало получить разрешение военного цензора. Ничего особенно нового в его книге не было, все эти материалы так или иначе уже публиковались в израильской или американской прессе. Он просто собрал все, что знал. Ну и кое-что додумал. Тем не менее, зная злой нрав цензоров, Рафаэль ожидал, что военные неминуемо потребуют от него поправок, и даже догадывался, каких именно.

Он был готов пожертвовать несколькими именами и выводами: он постоянно писал на военные темы и предпочитал не ссориться с цензурой. Сдав рукопись цензору в звании полковника, он спросил, как долго будет продолжаться проверка.

– Серьезная книга требует месячной работы. Если материал попроще, получите ответ быстрее, – обещал цензор.

Через две недели нетерпеливый Рафаэль позвонил цензору.

– Работаю, – хладнокровно ответил тот.

– И как долго вы собираетесь это делать? – спросил Рафаэль.

– По закону имею право изучать вашу рукопись три месяца, – упрямо сказал цензор.

Рафаэль разозлился:

– Моя книга написана на актуальную тему. Через три месяца она просто устареет. Весь смысл в том, чтобы издать ее как можно скорее.

– Постараюсь учесть ваше пожелание, – ответил цензор, но в его голосе не было уверенности.

Рафаэль написал уже несколько книг. Некоторые из них были очень злыми, например, о военной операции в Ливане в 1982 году. Военные потребовали тогда множества поправок, но разрешение цензура дала быстро: цензоры тоже не хотят злить журналистов. А теперь Рафаэль звонил полковнику каждую неделю и получал стереотипный ответ, что работа продолжается.

Рафаэль недоумевал: что случилось, какие к нему претензии, предлагал приехать и поговорить, но полковник просил подождать. Это продолжалось еще ровно месяц, пока Рафаэлю не сообщили, что его ждет главный военный цензор.

Цензор состоял в звании бригадного генерала. Рафаэль познакомился с ним еще в те времена, когда будущий штатный душитель свободного слова был командиром эскадрильи истребителей и любимцем главнокомандующего военно-воздушными силами Израиля генерала Эзера Вейцмана.

Голубоглазый и мускулистый летчик пользовался успехом у женщин, мог ночью махнуть с компанией к морю и отыскать ресторан, где гостей кормят до утра.

Боевого летчика век не долгов. Когда врачи запретили пилоту летать, Эзер Вейцман, к тому времени занявшийся политикой, помог ему приземлиться. Теперь бывший летчик облысел и расстался с привычкой к ночным загулам. Последняя, третья по счету жена крепко держала его в руках. Да и новая служба требовала респектабельности.

Бригадный генерал был вежлив, но не добр. Он усадил Рафаэля перед собой и сухо сказал:

– Я принял решение запретить вашу книгу. Полностью, от первой до последней страницы.

Рафаэль был изумлен и потрясен. Несмотря на военную цензуру, израильская пресса чувствовала себя совершенно свободной. Цензоры вычеркивали названия боевых операций армии или данные о новой военной технике, но запретить книгу целиком?! О таком Рафаэль еще никогда не слышал. Такого и не было, вероятно, за всю недолгую историю существования страны.

– Издание вашей книги нанесло бы ущерб безопасности страны и нашим отношениям с союзниками, – продолжал главный цензор. – Издание ее совершенно невозможно. Более того, вы должны сдать мне все экземпляры рукописи и материалы, использованные при ее написании. В том числе экземпляры, которые находятся у других лиц.

Рафаэль пытался сопротивляться.

– Книга состоит из фактов и свидетельств, которые уже публиковались в других газетах, – убеждал он генерала. – Они не могут представлять никакой опасности для нашей страны. Все это известно!

– Я пришел к другому мнению, – главный цензор был непреклонен.

– Если я перепишу книгу, есть шанс, что вы ее разрешите? – спросил Рафаэль.

– Если вы принесете мне новую рукопись, я опять буду ее читать, – дипломатично ответил главный цензор. – В этом состоит моя работа. Но обещать ничего не могу.

– Тогда скажите мне, чего именно я должен избегать в своей новой книге! – возбужденно произнес Рафаэль.

Бригадный генерал, который провел больше воздушных боев, чем журналист Рафаэль выдержал столкновений со своими редакторами, не попался на уловку:

– Я повторяю вам, что вся ваша книга наносит урон обороноспособности страны. Каждое слово в вашей книге опасно.

На этом разговор закончился. Рафаэлю было вручено письменное заключение военного цензора:

«1. Вы передали на просмотр цензору рукопись вашей книги о ядерной программе Израиля.

2. Я изучил эту рукопись и в соответствии со своими полномочиями настоящим сообщая вам свое заключение. Поскольку книга почти полностью основана на секретной и совершенно секретной информации и в ней цитируются секретные документы, я запрещаю ее публикацию – как целиком, так и отдельных ее частей. Ее издание, по моему мнению, нанесло бы урон обороноспособности Израиля.

3. Ввиду описанного выше характера рукописи, представленной вами цензору, а также ввиду того, что в книге содержится множество цитат из секретных и совершенно секретных документов, предлагаю вам сдать в цензуру все экземпляры подготовленной вами рукописи, а также все секретные материалы, на основании которых рукопись написана».

Рафаэль не верил своим глазам.

– Секретных документов у меня не было и нет. Отдавать нечего, – пробурчал он напоследок.

Главный цензор пожал плечами.

Рафаэлю было ясно, что дело не в документах. Он поплелся к редактору своей газеты, влиятельному в политическом мире человеку с хорошими связями в правительстве.

Редактор предложил Рафаэлю дорогую кубинскую сигару и искренне посоветовал немедленно сдать цензору все экземпляры рукописи, чтобы не создавать себе новых проблем.

– Я боюсь, что тебя могут просто арестовать, если ты не выполнишь их требований.

– Неужели до этого дело дошло? – изумился Рафаэль. Он был совершенно выбит из колеи.

– Ты себя недооцениваешь. Из-за твоей книги вчера утром собиралось правительство, – сообщил редактор.

– Шутишь? – не поверил Рафаэль.

– Члены правительства тоже думали, что премьер шутит.

Но говорят, что Шимону было не до шуток. Премьер-министр сообщил, что твою рукопись необходимо запретить. Генеральный прокурор тут же подтвердил, что цензурный запрет вполне законен.

– И никто не возразил? – спросил Рафаэль.

– Никто не возразил, – подтвердил редактор. – Шимон был убедителен, как никогда.

Премьер-министром Израиля был Шимон Перес, опытный и мудрый политик. Сторонники жесткой линии считали его слишком мягким, но либералы премьера уважали. Рафаэль считал себя сторонником Переса, несколько раз встречался с ним и не ожидал от премьер-министра такого решения.

– Что же мне делать? – проговорил растерянно Рафаэль.

– Сдай рукопись и подожди, – посоветовал редактор. – Я не знаю, почему они так обозлились на твою книгу, но в любом случае запрет не может быть долгим. Через несколько месяцев сделаю новый вариант и попробуй еще раз. Может быть, к этому времени я что-нибудь узнаю.

Рафаэль предпринял последнюю попытку. Он хорошо знал одного из министров в правительстве Переса. Он позвонил министру домой.

Рафаэль знал, что, в принципе, важнейшие вопросы решаются в депутатском буфете в здании кнессета, куда помимо депутатов имели доступ только руководители партий. Здесь можно было за столиком свободно уединиться с нужным министром и поговорить по душам.

Но Рафаэлю нужен был разговор с глазу на глаз.

Они встретились в Кирии – районе Тель-Авива, где находятся правительственные учреждения, в том числе, резиденция министра обороны и начальника Генерального штаба. Министр каждый понедельник обедал в ресторане тель-авивской гостиницы «Самуэль», на берегу моря.

Люди, которые хотели с ним поговорить и имели на то право, тоже заказывали себе столик в «Самуэле»: в ресторане с министром было легче беседовать, чем в его кабинете.

Обычно министр был внимателен к просьбам. В политическом мире страны все постоянно менялось. Долго быть министром невозможно, следовательно, надо с максимальной пользой провести короткий срок в высоком кресле: поссориться с немногими, но подружиться со многими. В маленьком Израиле все друг друга знают и отказывать очень трудно. Или вместе учились, или служили в армии, или выросли в одном кибуце.

Отнюдь не каждое обращение приводило к успеху. Министр, конечно же, чаще отказывал, чем соглашался помочь. Но, отказав, в определенном смысле оказывался у просившего в долгу.

Отказать в следующий раз было уже значительно труднее.

Тем не менее, едва увидев Рафаэля, министр сказал, что ничего не в состоянии сделать.

– Твое дело в руках Шимона, – сказал министр. – Перес сказал: если будет издана твоя книга, пострадает национальная безопасность. Ты же не хочешь навредить стране?

Рафаэль вспомнил слова первого президента страны Хаима Вейцмана: в Израиле невозможно быть пророком, конкуренция слишком велика.

Он вернулся к себе в редакцию. По праву старого знакомого без стука вошел в кабинет главного редактора, который в этот момент заказывал авиабилеты для себя и жены. Редактор собирался отдохнуть пару недель в Европе.

Рафаэль с завистью смотрел на никогда не унывающего редактора. Он был не просто редактором, но и совладельцем газеты, то есть более чем состоятельным человеком. Понял или не понял редактор, о чем задумался один из его ведущих репортеров, но он решил утешить Рафаэля:

– Я могу послать тебя за границу на несколько месяцев. Сменишь обстановку, развеешься...

– В Австралию! – загорелся Рафаэль, вспомнив, что загадочный Мордехай Вануну, техник из Димоны, один из героев его книги, обосновался как раз в Австралии.

Редактор засмеялся:

– А разве там что-нибудь происходит? Хотел бы я жить в Австралии. Там пьяный водитель грузовика въехал на газон – это уже трагедия национального масштаба. Нет, нам нужен корреспондент в Лондоне. Согласен?

Рафаэль кивнул.

Неужели его книгу запретили только из-за того, что в ней речь идет о технике-беглеце, обещавшем рассказать правду о ядерном центре в Димоне?

Даже если это и так, на несколько месяцев придется забыть обо всем этом деле. Он отправится в Англию и окажется далеко от всех этих ядерных дел. А вернувшись в Израиль, попробует переписать рукопись.

Глава пятая

Нападение на школу

Ночью заградительная система сработала сразу в пяти местах. Для оперативной группы израильской армии, которая прикрывала границу, это означало только одно: в страну провалось сразу несколько групп палестинских боевиков. Мобильные группы прибыли к точкам пересечения границы через несколько минут и начали преследование.

Террористы были хорошо подготовлены. Шли быстро, укрываясь среди скал – спешили затемно дойти до большого арабского села, предполагая укрыться в нем. Потом следы разделились и вдруг вовсе исчезли. Мобильная группа израильской армии доложила в штаб, что потеряла след. Террористы словно растворились в ночном мраке.

Вскоре они объявились. И совсем не там, где их ждали и приготовились встретить. А в Кирьят-Шмоне – городе неподалеку от ливанской границы. В нем примерно пятнадцать тысяч населения. Он появился на месте временного лагеря для новых поселенцев, построенного здесь в 1949 году.

Название Кирьят-Шмона означает «город восьми». Его наименовали так в честь выходца из России, героя Русско-японской войны однорукого Иосифа Трумпельдора и его семи товарищей, которые погибли здесь в 1920 году, защищая от погромщиков кибуц Тель-Хая. Трумпельдор прошел всю Русско-японскую войну в 76-м Кубанском, затем в 27-м Восточно-Сибирском стрелковом полку и был трижды награжден крестом Георгия Победоносца.

Трижды Георгиевский кавалер Иосиф Трумпельдор лишился руки при обороне Порт-Артура и был за мужество произведен в прапорщики. После революции он уехал из России в Палестину и попытался организовать оборону еврейских поселений.

Иосиф Трумпельдор был родом из Пятигорска. Его потомки живут там и поныне. Летом 2003 года с разрешения городских властей на месте, где он когда-то жил, установили мемориальную доску. Его слова «Как славно умереть за нашу страну!» вошли в израильские учебники...

Утром ликующий диктор сирийской радиостанции сообщил, что группа палестинских смертников захватила в городе Кирьят-Шмона школу и удерживает в ней заложников. Сирийское радио предупредило, что попытка освободить заложников силой приведет к смерти детей, поэтому сионистам придется вступить в переговоры с палестинскими патриотами и выполнить все их справедливые требования.

В Дамаске не подозревали, что, когда сирийское радио сообщало эту новость, все трое террористов были уже мертвы.

В семь утра они действительно проникли в школу, но никого там не нашли – было слишком рано и детей не успели привезти. Тогда террористы перебрались в соседний жилой дом. Они врывались в одну квартиру за другой, бросали в безоружных жильцов ручные гранаты и расстреливали из автоматов. Соседи, увидев, что происходит, вызвали силы безопасности. Когда прибыли войска, палестинцы забаррикадировались на верхнем этаже.

Переговоров не начинали.

Жителей соседних домов эвакуировали из опасной зоны, чтобы никто не пострадал. Затем войска ворвались в дом. Все трое террористов были уничтожены. Они успели убить шестнадцать мирных жителей, восемь из них были дети.

Офицеры контрразведки быстро и профессионально осмотрели трупы. Убитые палестинцы были молоды, аккуратно одеты, тщательно выбриты, хорошо пострижены. На улице никто бы и не заподозрил в них террористов. По-видимому, молодые люди считали, что стрелять в женщин и детей – это героический поступок, которым можно гордиться.

На теле одного из террористов нашли взрывчатку. Но взорвать себя никто из троих не решился. Одно дело – говорить о своей самоубийственной миссии, другое – действительно покончить с собой, когда акция провалилась.

Второй группе палестинских боевиков повезло больше. Они проникли в небольшой поселок, основанный в 1957 году из двух лагерей для переселенцев, в основном из стран Северной Африки. В поселке жило несколько тысяч человек.

Под утро боевики обстреляли машину, в которой группа женщин возвращалась с завода домой после ночной смены. Одна женщина была убита, десять человек ранены. Но в полицию сообщили слишком поздно, и боевики успели добраться до поселка, вошли в первый попавшийся дом и расстреляли спавшую семью.

Затем они ворвались в здание школы, где спали сто школьников и четыре учителя. Ребята приехали из другого города: они совершали экскурсию по Галилее. Одного учителя и нескольких школьников палестинцы отпустили с письменным ультиматумом, который несколько раз повторили и по громкоговорителю.

Они требовали освободить двадцать палестинцев, которые отбывали различные сроки в израильских тюрьмах, и отправить их в Сирию. Когда сирийское радио сообщит об их прибытии, заложников освободят. В противном случае палестинцы обещали взорвать школу вместе со школьниками.

Когда израильские военные окружили школу, главным был вопрос: действительно ли школа заминирована?

Прежде боевики оставляли себе пути отхода: минировали тропинку, по которой собирались отойти к границе. На сей раз они об этом не позаботились. Значит, были уверены, что спокойно улетят в Дамаск вместе с заложниками.

Эта группа боевиков принадлежала к числу самых непримиримых и жестоких отрядов палестинского движения, который организовал большинство угонов самолетов.

Когда израильтяне поняли, что произошло и с кем они имеют дело, возникли две проблемы: подчиняться ли шантажу террористов? И как осуществлять военную операцию, если террористы прикрываются детьми?

В первый раз израильское правительство столкнулось с захватом заложников в июле 1968 года, когда палестинцы захватили «Боинг-707», принадлежащий израильской авиакомпании, который летел из Рима в Тель-Авив. И посадили его в Алжире.

Мир не был готов к угонам самолетов. Еще не существовали системы безопасности в аэропортах, которые помогали бы обнаруживать оружие и взрывчатку в багаже пассажиров.

Два-три террориста превращали сто с лишним пассажиров захваченного самолета в заложников, за освобождение которых можно было требовать все, что угодно.

Угонщики хотели, чтобы правительство Израиля освободило из тюрем их осужденных товарищей. Министр обороны одноглазый Моше Даян был против того, чтобы выполнять их требования. Но премьер-министр Леви Эшколь, мягкий по характеру, к нему не прислушался. Террористы получили то, чего они хотели.

Через год террористы похитили из американского самолета двоих израильтян, их держали в Дамаске. И опять израильское правительство согласилось обменять заложников на двух сбитых сирийских военных летчиков.

Но больше Израиль на уступки не шел.

Когда в следующий раз палестинцы захватили самолет авиакомпании «Сабена» и потребовали освободить триста заключенных из израильских тюрем, ответом стала военная операция.

Она продолжалась всего несколько минут. Двое террористов – мужчины – были убиты, две террористки схвачены. Во время боя погибла одна пассажирка.

Выбор был сделан раз и навсегда: не соглашаться на требования террористов, а уничтожать их. Но здесь, в поселке, был особый случай: в заложники взяли детей.

Министр обороны прибыл в поселок вместе с начальником Генерального штаба Армии обороны Израиля и доложил оттуда о ситуации премьер-министру. В Иерусалиме непрерывно заседал кабинет министров. После короткого обмена мнениями с членами правительства премьер-министр связался с министром обороны:

– Я согласен освободить палестинских заключенных в обмен на захваченных террористами детей, но только если обмен произойдет одновременно. Ты понял меня?

Правительство не хотело оставлять детей на милость боевиков: оно ни на грош не верило их обещанию освободить детей, когда их товарищи уже вернутся в Дамаск.

Французского и румынского послов попросили быть посредниками в переговорах с боевиками. Но переговоры не получались. А время шло быстро, истекал срок ультиматума: в шесть часов вечера террористы обещали взорвать здание вместе со школьниками.

Премьер-министр нервничал. Министр обороны и начальник Генерального штаба требовали не ждать, а действовать. Правительство колебалось. Когда до шести вечера оставалось всего ничего, правительство внезапно разрешило провести военную операцию. Это было ошибочное решение.

Операция была обречена на неуспех именно потому, что ее провели буквально в последние минуты. Утром вполне можно было улучшить момент, когда расслабившиеся террористы не ожидали нападения, но около шести часов они были настороже.

Вторая роковая ошибка была совершена уже в ходе операции. Солдаты бросились на третий этаж и, только увидев, что он пуст, спустились на второй, где находились дети.

Да еще один из солдат бросил дымовую фосфорную гранату. Дым мешал самим израильтянам видеть, что происходит. Они потеряли несколько драгоценных минут. Этого времени террористам с лихвой хватило на то, чтобы убить шестнадцать детей и ранить шестьдесят восемь.

Когда все закончилось, картина была страшной. На залитом кровью полулежали убитые дети. Раненые кричали. Всех троих террористов застрелили. Но смерть преступников была слабым утешением. Гибель детей переживала вся страна.

Сотрудники контрразведки, которые осматривали школу, ожидая опасных сюрпризов, обнаружили пять упаковок взрывчатки: две на лестнице, две в классах, куда согнали детей, одну в коридоре. Взрывчатка приводилась в действие электродетонаторами. Батареи у террористов были, и у них оставалось время взорвать себя и школу, но они этого не сделали. Они не собирались умирать.

Вместе с детьми погибла учительница из Германии Люсиль Эдер, одна из двух работавших в школе иностранок: второй была Черил Бен-Тов из Соединенных Штатов. Черил – американская еврейка, она в семнадцать лет приехала в Израиль, чтобы помочь родине своих предков. Люсиль Эдер немка по национальности – прибыла в Израиль по туристической визе и сразу же предложила еврейскому государству свои услуги, потому что хотела искупить вину немцев перед евреями.

Во время ожесточенного боя на втором этаже пуля попала Люсиль в голову. Она умерла мгновенно. Никто не решался сказать Черил, что ее ближайшая подруга умерла. Но Черил, оттолкнув офицера, подбежала к автобусу, в который грузили трупы, и увидела Люсиль с пробитой головой.

...Пока Европа наслаждалась летом, в Австралии началась зима. Впрочем, что такое снег и холод, здесь знали только те, кто ездил за границу. Тимоти Уоллес к этим счастливчикам не принадлежал.

Каждый понедельник Тимоти Уоллес встречался со своим осведомителем по кличке Жук, который в обычной жизни был неудачливым газетным репортером. Единственное про-

фессиональное достоинство Жука состояло в том, что он знал всех и вся. Но надо еще уметь изложить то, что узнал, на бумаге. С этим у Жука было плохо. Его с трудом терпели в отделе новостей сиднейской вечерней газеты. Редактор отдела, морщась, переписывал даже самую маленькую его заметку.

Зарабатывал Жук мало, чувствовал себя отвратительно и поэтому несколько лет назад принял важное для себя решение. Он сказал «да», когда руководитель местного отделения контрразведки предложил ему потрудиться на благо родины.

Тимоти Уоллес пятнадцать лет служил в Австралийской службе безопасности и разведки, которая занималась в основном контрразведкой. Он приметил Жука в одном из сиднейских баров. Жуликоватый парень без семьи и близких друзей идеально подходил на роль дешевого информатора.

Уоллес, который представлялся менеджером посреднической фирмы, познакомился с Жуком и однажды поил его весь вечер.

На следующий день он пригласил Жука в приличный ресторан, где днем бывает совсем мало людей, объяснил, где работает на самом деле, и предложил сотрудничать.

С тех пор Жук исправно снабжал его всеми новостями, сплетнями и слухами, известными журналистской публике в Сиднее. Никакой сенсационной информации Жук не приносил, но это была не его вина: ведь ничего особо важного в Сиднее и не происходило, свет не видел более спокойной страны, чем Австралия.

Каждый понедельник они ужинали вдвоем, и Жук рассказывал все, что знал. Тимоти Уоллес внимательно слушал, а утром писал отчет. Письменный отчет был необходим даже в тех случаях, когда информации совсем не было. Отчет подтверждал целесообразность оплаты услуг агента-осведомителя и еженедельных ужинов в хороших ресторанах – удовольствия, которым Тимоти Уоллес весьма дорожил.

– Я тут встретился с латиноамериканским журналистом по имени Гуэро, – рассказывал Жук за ужином. – Полное имя Оскар Гуэро. Он откуда-то из Колумбии, но сбежал из дома. Обосновался у нас. Прохиндей и деляга. Я бы такому и доллара не доверил: украдет, поэтому не уверен, стоит ли его слушать.

– Давай-давай, – подбодрил его Тимоти, внимательно и с удовольствием изучая меню.

Они уже приняли по два стаканчика виски, потому что худой Жук больше уважал хорошую выпивку, чем обильную закуску.

– Гуэро говорит, что привез в Австралию крупного физика из Израиля. Вроде бы этого физика из страны не выпускали, но Гуэро его каким-то образом вытащил. Врет, наверное... И этот физик может рассказать о том, что Израиль создает собственное ядерное оружие. Гуэро ищет газету, которая купит эту историю, и надеется заработать большие деньги.

– А чего они к нам в Австралию приехали? – спросил Тимоти Уоллес. – Нас эти ближневосточные дела не интересуют.

Жук поманил официанта, чтобы заказать третью порцию виски. Пока у него есть что рассказать, он может беспрепятственно заказывать виски. Когда он истощится, Уоллес заставит его перейти на минеральную воду.

– Гуэро говорит, что увез этого физика подальше от Моссад, потому что израильтянину грозит тюрьма.

– Ты думаешь, он действительно кого-то привез? – поинтересовался Тимоти Уоллес.

– Сомневаюсь, – Жук соорудил скептическую мину. – Очень ненадежный парень. Никто его всерьез не принимает.

– Но ты все же поинтересуйся, – велел Тимоти. – А то начнутся все эти проблемы: израильтяне, палестинцы, взрывы, угоны самолетов... Нам не надо, чтобы они друг друга на нашей территории убивали. Пусть делают это у себя дома.

Жук хихикнул и перешел к другим новостям.

В следующий понедельник он вновь стал рассказывать о колумбийце Оскаре Гуэро.

– Какой-то парень действительно приехал из Израиля, и Гуэро его вроде как опекает, – сообщил Жук. – Говорят, что на большого ученого парень не похож, но он точно из Израиля и вроде как скрывается. А сам Гуэро улетел в Испанию. Где-то раздобыл деньги на билет...

Тимоти Уоллес старательно занес рассказ о странном израильтянине в еженедельный отчет, не сомневаясь, что эту бумагу с грифом «секретно» ждет судьба всех остальных документов такого рода: ее пробежит глазами начальник отделения и спишет в архив.

Так бы оно, вероятно, и произошло, но один из младших сотрудников Австралийской службы безопасности и разведки искренне симпатизировал палестинцам. В студенческие годы он принадлежал к леворадикальной группе. Ничего особенно он не делал, читал размноженные на ксероксе рукописи, ожесточенно спорил с друзьями, ходил на семинары, на которых выступали левые философы из Европы.

Потом он от всех этих «удовольствий» отказался, чтобы не портить себе карьеру, но сохранил сочувствие к палестинцам как жертвам империалистического заговора. Прочитав отчет Тимоти Уоллеса, он понял, что может оказать палестинцам большую услугу. Если они первыми доберутся до этого физика, который расскажет, что Израиль создает собственное ядерное оружие, это будет большим успехом в пропагандистской войне.

Он знал представителя Организации освобождения Палестины в Австралии и время от времени с ним встречался. Палестинец тоже не очень поверил в израильского физика, но все равно был благодарен за сообщение и тут же написал письмо в Тунис самому Абу Джихаду, второму человеку в Организации освобождения Палестины. Но письмо пришло слишком поздно.

Глава шестая

Смерть Абу Джихада

На заседании правительства Израиля министр внутренних дел доложил, что на оккупированных территориях начались столкновения палестинцев с полицией. По агентурным данным, палестинцы исполняли приказ Абу Джихада (настоящее имя – Халиль Ибрагим Махмуд аль-Вазир), второго человека в Организации освобождения Палестины.

– Арабы думают, что мы уже не те, что были, что мы стали слабее и глупее, – резко сказал министр обороны. – Пора доказать им, что они сильно ошибаются.

Министр без портфеля Эзер Вейцман вскинул голову:

– Попытка убить кого-то из лидеров палестинцев только повредит нам, – с нажимом сказал он. – Она не поможет борьбе с терроризмом, а лишь отдалит приближение мира, усилит враждебность палестинцев и сделает нашу позицию более уязвимой в глазах мирового сообщества.

Эзер Вейцман был боевым летчиком и никого не боялся. Он обвел глазами своих коллег по кабинету министров и мрачно добавил:

– Одного Абу можно ликвидировать, от другого можно избавиться, но палестинскую проблему так не решишь.

Генерал-майор Амнон Липкин-Шахак, начальник военной разведки, боевой офицер, отмеченный многими наградами, резко возразил Вейцману:

– Каждый, кто задумывает и проводит против нас террористические операции, делает себя мишенью для ответного удара. Таковы законы войны.

Премьер-министр Шимон Перес мрачно наблюдал за этой дискуссией. Военные давно требовали остановить Абу Джихада, который организовывал один теракт за другим. Перес был слишком опытен, чтобы не понимать: смерть второго человека в Организации освобождения Палестины будет, как это всегда случается на Ближнем Востоке, иметь самые неожиданные и неприятные последствия.

Ликвидация Абу Джихада, конечно же, не остановит террор против Израиля. Абу двадцать лет неустанно создавал свою сеть на Кипре, в Европе и в странах Персидского залива. Эта сеть, обладая деньгами и связями по всему миру, подпитывает палестинское восстание.

Зато смерть Абу Джихада, вполне возможно, укрепит позиции радикалов внутри палестинского национального движения, воспитают новых палестинских бойцов, которые окажутся еще опаснее, чем покойный Абу Джихад.

Словом, эта операция, возможно, породит значительно больше проблем, чем решит. Но Абу Джихад виновен в смерти детей. Любой суд, выслушав все «за» и «против», приговорил бы его к смерти.

Поэтому сказать «нет», когда генералы и разведчики пришли к нему с планом операции по уничтожению Абу Джихада, премьер-министр не мог. В этом состояло безумие ситуации.

...Целую неделю Мариссель провел в открытом море. Вместе со своей группой он изучал морское дело. Выходить в эфир им запретили, а слушать радио было некогда. Флотские инструкторы гоняли их и день и ночь. Марисселю доставалось больше других. Он был почти в два раза старше своих солдат. В двадцать лет все дается легко, а он чуть не валился с ног от усталости. Никто не делал скидки на его возраст. На катере он был старше всех по званию, но и это не имело никакого значения: он должен был делать то же, что и другие. И лучше других.

Когда тренировки закончились, катер доставил их назад в Хайфу. Они сошли или, точнее сказать, сползли на берег. Мариссель сразу обратил внимание на траурное лицо встречавшего их офицера.

О смерти Люсиль ему сообщил сам директор Моссад, которого никто не называл по имени. Директор – и все. Имя начальника разведки было государственной тайной, печатать его фотографии газетам было строго-настрого запрещено. Директор пригласил Марисселя к себе, велел никого не пускать, сел напротив и рассказал, как погибла Люсиль.

Высокий и крепкий офицер сидел прямо и смотрел куда-то сквозь своего начальника. На глазах у него были слезы. Мариссель плакал, не стесняясь. Они с Люсиль собирались пожениться. Теперь он останется один. Возможно, навсегда. При его профессии трудно встретить женщину, с которой можно связать свою жизнь.

Директор Моссад молчал очень долго. Он дал Марисселю время прийти в себя. Когда один из лучших его офицеров взял себя в руки, директор вернулся за свой письменный стол и напомнил ему о делах:

– Ты можешь приступить к делу. Через неделю-другую это предстоит сделать.

Мариссель кивнул. После нападения на школу правительство Израиля наконец-то решилось нанести ответный удар. С точки зрения Марисселя, это было более чем справедливо.

Человек, который придумал и подготовил обе кровавые операции, был им хорошо известен. Он называл себя Абу Джихад, что в переводе с арабского означало «отец священной войны». Он жил в Тунисе, где после эвакуации из Бейрута обосновалось руководство палестинских боевых отрядов. «Отец священной войны» должен был ответить за смерть детей.

Передовая группа прибыла в Тунис заранее. В пятницу три человека, которые выглядели типичными арабами, предъявив прекрасно сделанные ливанские паспорта, взяли в туристическом агентстве напрокат два микроавтобуса «фольксваген» и машину «пежо-305». Они весело шутили и довольно улыбались в предвкушении приятного отдыха на средиземноморском побережье.

Рассевшись по машинам, они двинулись в сторону моря. Через несколько часов прибыли в фешенебельный пригород столицы, где обитало высшее общество, подогнали машины к условленному месту и приготовились ждать.

Ждать им пришлось долго – до самой ночи.

С берега ничего не было видно, но экипаж внезапно появившегося над морем «Боинга-707» точно знал, что происходит внизу. Оснащенный безумно дорогой аппаратурой, самолет видел много больше того, что способен разглядеть человеческий глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.